

АМОР
ТОУЛЗ

Роман

ШОССЕ
ЛИНКОВНА

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА NEW YORK TIMES

«Джентльмен в Москве»

Амор Тоулз. От автора Джентльмена в Москве

Амор Тоулз
Шоссе Линкольна

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Тоулз А.

Шоссе Линкольна / А. Тоулз — «Эксмо», 2022 — (Амор Тоулз.
От автора Джентльмена в Москве)

ISBN 978-5-04-174134-1

18-летнего Эммета Уотсона сопровождает домой в Небраску начальник исправительной колонии для несовершеннолетних, где Эммет провел последние 15 месяцев. Он и его брат Билли остались сиротами, а семейная ферма конфискована банком. Эммет решается поехать в Калифорнию, чтобы начать там новую жизнь, но когда начальник тюрьмы уезжает, парень обнаруживает в багажнике друзей с рабочей фермы, что тайно приехали вместе с ним. У них есть другой захватывающий план по поводу будущего братьев Уотсонов, и, чтобы его воплотить, нужно отправиться на другой конец страны – в Нью-Йорк. Роман Амора Тоулза «Шоссе Линкольна» сразу же стал бестселлером New York Times. В 2021 году эта замечательная история получила 1-е место в конкурсе «Лучшая книга по мнению редакторов». Уже продано более одного миллиона копий. Книга до сих пор держится в Топ-20 продаж Amazon. Около 200 тысяч пользователей поставили книге высшую оценку, и эта цифра только продолжает расти.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174134-1

© Тоулз А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Десять	6
Эммет	6
Дачес	20
Девять	34
Эммет	34
Дачес	45
Вулли	50
Салли	53
Дачес	55
Восемь	57
Эммет	57
Дачес	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Амор Тоулз Шоссе Линкольна

Моим брату Стокли и сестре Кимбро

*Вечер на равнине,
Тучной, хмурой и всегда безмолвной;
Мили свежеспаханной земли,
Тяжелой, черной, полной сил, суровой;
Пшеница и овсюг,
Труженицы-лошади, усталые мужчины;
Пустынные дороги,
Печально зарево заката гаснет,
И вечно неотзывчивое небо,
И среди этого всего – юность...*

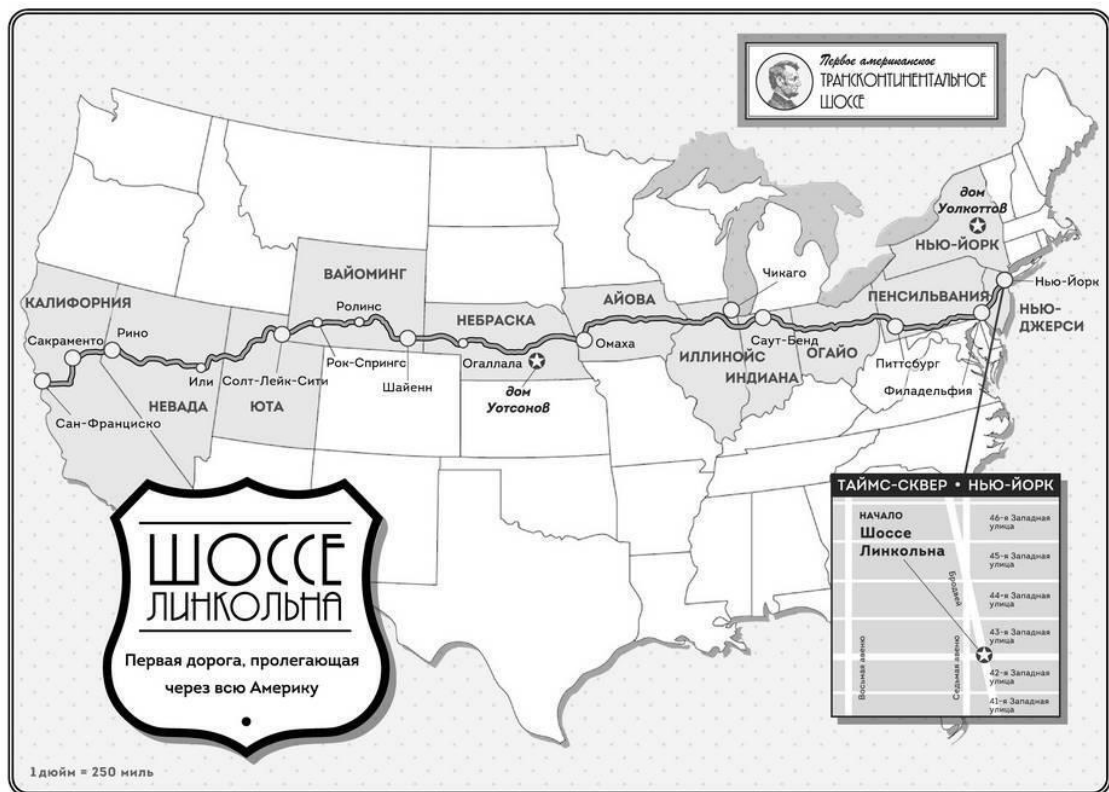
Уилла Кэсер «О, пионеры!»

Amor Towles
THE LINCOLN HIGHWAY
Copyright (c) 2021 by Cetology, Inc.

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2022

© Сизова М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Десять

Эммет

Двенадцатое июня тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Пути от Салины до Мортена три часа, и большую часть его Эммет не сказал ни слова. Первые миль шестьдесят директор колонии Уильямс пытался завести с ним дружеский разговор. Кое-что рассказал о своем детстве на востоке, поспрашивал Эммета о его детстве на ферме. Но это их последняя встреча, и Эммет не видел смысла вдаваться в подробности. Поэтому, когда они пересекли границу между Канзасом и Небраской и директор включил радио, Эммет только смотрел в окно на прерию и думал о своем.

В пяти милях к югу от города Эммет показал вперед.

– Следующий поворот направо. Там через четыре мили будет белый дом.

Директор сбавил скорость и повернул. Проехали мимо дома Маккаскера, потом мимо Андерсена с двумя большими одинаковыми красными сараями. Через несколько минут показался дом Эммета шагах в пятидесяти от дороги, рядом с купой дубов.

Эммету казалось, что в этом краю дома выглядят так, как будто упали с неба. А дом Уотсонов еще и приземлился неудачно. Крыша по обе стороны от трубы провисла, оконные рамы перекосило, одни не открывались, другие не закрывались полностью. Еще немного, и они увидят, как осыпалась краска с дощатых стен. Не доезжая до поворота к дому, директор затормозил на обочине.

– Эммет, – сказал он, держа руль, – прежде чем подьдем, хочу кое-что тебе сказать.

Эти слова не очень удивили Эммета. Когда Эммета привезли в Салину, директором там был уроженец Индианы Акерли, предпочитавший давать советы не словесно, если их можно было сделать понятнее палкой. Но директор Уильямс был человек современный, с магистерской степенью и благими намерениями, и над его столом, в рамке, висела фотография Франклина Д. Рузвельта. Свои понятия он почерпнул из книг и жизненного опыта и располагал множеством слов для того, чтобы обратиться к советам.

– Для некоторых молодых людей, прибывающих в Салину, – начал он, – независимо от того, какая цепь событий привела их в сферу нашего влияния, это всего лишь начало долгого пути, усеянного неприятностями. В детстве им не вложили понятий о том, что правильно и неправильно, и они не видят особой причины уяснить это теперь. Те ценности или жизненные цели, которые мы стараемся им внушить, скорее всего будут тут же забыты, как только они уйдут из-под нашего присмотра. К сожалению, это только вопрос времени – когда ребята очутятся в исправительном заведении в Топике или где-то похуже.

Директор повернулся к Эммету.

– Это я к тому, Эммет, что ты не из их числа. Мы знакомы недавно, но я успел понять, что смерть мальчика лежит на твоей совести тяжелым грузом. Никто не думает, что случившееся в тот день обусловлено злобой или свойствами твоего характера. Это злополучная случайность. Но как цивилизованное общество мы желаем, чтобы даже тот, кто не намеренно причинил другим несчастье, понес какое-то наказание. Отчасти цель наказания в том, чтобы удовлетворить людей, больше всего потерпевших от несчастья – как родные мальчика. Но мы желаем также, чтобы оно послужило к пользе молодого человека, ставшего причиной несчастья. Так что, получив возможность уплатить свой долг, он нашел бы некое утешение в том, что отчасти искупил вину, – и встал на путь обновления. Ты понимаешь меня, Эммет?

– Да, сэр.

– Рад это слышать. Я знаю, что на твоём попечении брат, и ближайшее будущее представляется нелегким, но ты умный юноша, и впереди у тебя целая жизнь. Ты уплатил свой долг, и надеюсь, наилучшим образом распорядишься своей свободой.

– Так я и намерен поступать, да.

И Эммет не кривил душой. Он был почти во всем согласен с тем, что сказал директор. Он сознавал совершенно ясно, что у него целая жизнь впереди и он должен растить брата. И сознавал, что случайно, а не намеренно стал виновником несчастья. Но не был согласен, что долг его выплачен полностью. Не важно, какую роль сыграл случай в том, что ты своей рукой оборвал человеку жизнь на земле, – доказывать Богу, что заслуживаешь прощения, ты будешь до конца своих дней.

Директор включил скорость и повернул к дому Уотсонов. Перед верандой стояли две машины – легковая и пикап. Директор поставил свою рядом с пикапом. Они с Эмметом вышли из машины, и в дверях появился высокий мужчина с ковбойской шляпой в руке.

– Привет, Эммет.

– Здравствуйте, мистер Рэнсом.

Директор подал ему руку.

– Я директор колонии Уильямс. Спасибо, что нашли время встретить нас.

– Пустяки, директор.

– Как я понимаю, вы давно знаете Эммета.

– Со дня его рождения.

Директор положил руку Эммету на плечо.

– Тогда мне не нужно объяснять, какой он прекрасный молодой человек. Я сейчас говорил ему в машине, что свой долг обществу он уплатил и впереди у него вся жизнь.

– Так оно и есть, – согласился мистер Рэнсом.

Директор прожил на Среднем Западе почти год и, постояв перед верандами фермерских домов, знал по опыту, что на этом месте разговора обычно приглашают войти и предлагают выпить чего-нибудь прохладительного, а ты будь готов принять приглашение, и с твоей стороны невоспитанно отказаться, даже если впереди у тебя три часа пути. Но ни от Эммета, ни от мистера Рэнсома приглашения не последовало.

– Ну, – сказал тогда директор, – я, пожалуй, поеду обратно.

Эммет и мистер Рэнсом поблагодарили его напоследок, пожали ему руку; он сел в машину и уехал. Когда он отъехал на четверть мили, Эммет кивнул на легковую машину.

– Мистера Обермейера?

– Он ждет в кухне.

– А Билли?

– Я сказал Салли, чтобы привела его чуть позже, когда вы с Томом разделаетесь с делами.

Эммет кивнул.

– Готов идти? – спросил мистер Рэнсом.

– Чем скорей, тем лучше, – сказал Эммет.

Том Обермейер сидел за маленьким столом в кухне. Он был в рубашке с короткими рукавами и в галстуке. Если был у него пиджак, то остался в машине – на спинке стула не висел.

Эммет и мистер Рэнсом как будто застали банкира врасплох: он со скрипом отодвинул стул, встал и подал руку – все это одним движением.

– Ну, здравствуй, Эммет. Рад тебя видеть.

Эммет молча пожал ему руку.

Он окинул взглядом кухню: пол подметен, рабочий стол чист, раковина пуста, шкафы закрыты. Такой чистой Эммет кухню никогда не видел.

– Давайте присядем, – сказал мистер Обермейер и показал на стол.

Эммет сел напротив банкира. Мистер Рэнсом стоял, прислонясь к косяку. На столе лежала толстая коричневая папка с бумагами. Она лежала поодаль от банкира, словно ее оставил здесь кто-то другой. Мистер Обермейер кашлянул.

– Прежде всего хочу сказать тебе, Эммет, как я огорчен смертью твоего отца. Он был прекрасный человек, и слишком молодым унесла его болезнь.

– Спасибо.

– Насколько знаю, когда ты приехал на похороны, Уолтеру Эберстаду удалось посидеть с тобой и обсудить отцовское наследство.

– Да, – подтвердил Эммет.

Банкир сочувственно кивнул.

– И, вероятно, Уолтер объяснил, что три года назад твой отец, помимо прежней закладной, взял новый кредит. Он сказал – чтобы обновить технику. Подозреваю, что на самом деле большая часть кредита пошла на то, чтобы выплатить какие-то старые долги: единственное, что мы нашли из новой техники, – трактор в сарае. Впрочем, все это лишние подробности.

Эммет и мистер Рэнсом, видимо, были согласны, что лишние, и никак не откликнулись.

Банкир продолжал:

– Говорю это к тому, что урожай последние годы хуже, чем рассчитывал твой отец, а нынче, с его смертью, урожая вообще не будет. Так что у нас нет иного выбора, как погасить ссуду. Понимаю, Эммет, дело неприятное, но и банку это решение тяжело далось.

– Думаю, для вас не так уж тяжело, – сказал мистер Рэнсом, – при вашем-то богатом опыте.

Банкир посмотрел на фермера.

– Ну, это несправедливо, Эд. Ни один банк не дает ссуду в расчете на отчуждение имущества.

Банкир повернулся к Эммету.

– При займе требуется выплата процентов и части основного долга по определенному расписанию. Если клиент основательный, но опаздывает, мы по возможности идем на уступки. Продлеваем срок, сокращаем выплаты. Твой отец – прекрасный пример. Когда он стал запаздывать, мы дали ему дополнительное время. А когда заболел – продлили еще. Но иногда неудачи преследуют человека так, что никакими отсрочками дела не поправить.

Банкир протянул руку и положил ее на коричневую папку, обозначив наконец ее принадлежность.

– Эммет, мы могли бы забрать ферму и выставить на продажу месяц назад. У нас на это полное право. Но не стали. Решили дожидаться, когда закончится твой срок в Салине, ты вернешься домой и выплывешь в своей постели. Чтобы вы с братом не торопясь обошли дом и отобрали все нужное. Мы даже оставили включенными газ и электричество – за наш счет.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказал Эммет.

Мистер Рэнсом хмыкнул.

– Но теперь, когда ты вернулся, – продолжал он, – наверное, лучше для всех довести процесс до завершения. Нам нужно, чтобы ты, как душеприказчик твоего отца, подписал несколько документов. И, как мне ни грустно, в течение двух-трех недель вы с братом должны подготовиться и выехать.

– Если надо что-нибудь подписать, давайте подпишем.

Мистер Обермейер вынул несколько документов из папки. Он повернул их так, чтобы они смотрели на Эммета, и стал листать, объясняя смысл каждого раздела и подраздела, толкуя термины и показывая, где подписать, а где поставить инициалы.

– У вас есть ручка?

Мистер Обермейер дал свою ручку. Эммет подписал, не вчитываясь, и подвинул документы к нему.

– Это все?

– Есть еще один вопрос, – сказал банкир, убрав бумаги в папку. – Автомобиль в сарае. Проводя инвентаризацию, мы не нашли ни документов на машину, ни ключей.

– Зачем они вам?

– Второй заем твоего отца был взят не на конкретные сельскохозяйственные машины. А вообще на любое новое оборудование для фермы, и, боюсь, это распространяется и на автомобили.

– На этот – нет.

– Ну как же, Эммет?

– Не распространяется – это оборудование не отцовское. Оно мое.

Мистер Обермейер посмотрел на Эммета скептически и в то же время с сочувствием – что, на взгляд Эммета, никак не могло сочетаться на одном лице. Эммет достал из кармана бумажник и выложил на стол права.

Банкир взял их и пробежал глазами.

– Вижу, что машина на твое имя, но, боюсь, она куплена для тебя отцом.

– Нет.

Банкир посмотрел на Рэнсома, ища поддержки. Не получив ее, снова обратился к Эммету.

– Я два лета работал у мистера Шалти, чтобы купить машину. Строил дома. Крыл крыши. Ремонтировал веранды. Если хотите знать, даже помогал собирать новые шкафы у вас на кухне. Если не верите – спросите мистера Шалти. Короче, эту машину вы не заберете.

Обермейер нахмурился. Но когда Эммет протянул руку за правами, банкир отдал их без возражений. И, уходя со своей папкой, почти не удивился, что ни Эммет, ни мистер Рэнсом не потрудились проводить его до двери.

* * *

Когда банкир уехал, мистер Рэнсом вышел во двор ждать Салли и Билли, а Эммет пошел осматривать дом.

Большая комната, как и кухня, была опрятнее, чем обычно: подушки в углах кушетки, журналы стопкой на столике, отцовское бюро закрыто. Наверху в комнате Билли постель убрана, крышечки от бутылок и перья аккуратно разложены на полках, одно окно открыто для проветривания. Наверное, открыто окно и с другой стороны коридора, потому что тянет сквознячок и крутятся модели истребителей, висящие над кроватью: «спитфайр», «уорхоук» и «тандерболт».

Эммет смотрел на них с улыбкой.

Он собрал эти самолетики, когда был в возрасте Билли. Мама подарила ему набор в сорок третьем году – тогда Эммет с друзьями говорили только о боях в Европе и на Тихом океане, о Паттоне во главе Седьмой армии, штурмовавшей берег Сицилии, и о «Папе» Боингтоне и его эскадрилье «Черные овцы», донимавшей врага над Соломоновыми островами. Эммет собирал модели на кухонном столе с аккуратностью механика. Тонкой кисточкой, из четырех пузырьков эмалевой краски рисовал опознавательные знаки и номера на фюзеляжах. Закончив, выстроил самолеты на бюро косым строем, как они стояли бы на палубе авианосца.

Билли с четырех лет любовался ими. Бывало, вернувшись из школы, Эммет заставлял брата стоящим на стуле перед бюро и разговаривающим на языке пилота-истребителя. Когда брату исполнилось шесть, Эммет с отцом подвесили самолеты к потолку над кроватью Билли – сюрприз на день рождения.

Эммет перешел в отцовскую комнату – там такой же порядок: кровать застелена, пыль с фотографий на бюро вытерта, занавески подвязаны бантиками. Эммет подошел к окну и

поглядел на отцовские земли. Их распахивали и засевали двадцать лет; последний год земля отдыхала, и уже видно было неустанное наступление природы: полынь, амброзия, вернония укоренялись в поле. Оставь поля без ухода еще на несколько лет – и не догадаться, что землю когда-то возделывали.

Эммет покачал головой.

Неудачи...

Так сказал мистер Обермейер. Дела не поправить. И банкир был прав, отчасти. И уж если говорить о невезении, отцу Эммета хватало его с лихвой. Но Эммет знал, что не только в невезении было дело. Ошибок Чарли Уилсон наделал столько, что тоже хватило с лихвой.

Отец Эммета приехал в Небраску из Бостона в тысяча девятьсот тридцать третьем году с молодой женой и мечтой стать земледельцем. Двадцать лет он пробовал выращивать пшеницу, кукурузу, сою, даже люцерну и всякий раз терпел неудачу. Если культура требовала влаги, наступала двухлетняя засуха. Когда затевал светлюбивую, с запада ползли тучи. Природа безжалостна, можно возразить. Равнодушна и своенравна. Но если фермер каждые два-три года меняет культуру? Даже мальчиком Эммет понимал, что человек не соображает, что делает.

За сараем стояла импортная немецкая машина для уборки сорго. Когда-то ее сочли необходимой, потом стала ненужной и давно простаивала – отец почему-то не собрался ее продать, когда перестал выращивать сорго. Так и оставил на площадке за сараем, под дождем и снегом. Когда Эммет был в возрасте Билли и друзья с соседних ферм приходили к нему играть – тогда, в разгар войны, они готовы были взобраться на любую машину и вообразить, что они на танке, – но к этой они даже не подходили, инстинктивно чувствуя, что это плохая примета, что в ржавом железе засела неудача и надо держаться от него подальше, из вежливости или из чувства самосохранения.

И вот однажды вечером – Эммету было пятнадцать, и учебный год заканчивался, – он поехал на велосипеде в город, постучал в дверь мистера Шалти и попросил работы. Мистер Шалти был так удивлен этой просьбой, что усадил его за стол и велел принести кусок пирога. Он спросил Эммета, с чего это вдруг мальчик, выросший на ферме, захотел все лето заколачивать гвозди.

Не в том дело, что Эммет знал мистера Шалти как человека дружелюбного, и не в том, что жил он в одном из самых красивых домов в городе. Эммет пришел к мистеру Шалти с такой мыслью: как бы жизнь ни повернулась, плотнику всегда найдется работа. Дом, как ты складно его ни построй, ветшает. Петли разбалтываются, половицы истираются, крыша течет. Достаточно пройтись по дому Уотсонов, и увидишь тысячу мест, где время возьмет дань с хозяйства.

Летними месяцами бывали ночи, когда гремел гром или свистел суховея, и Эммет слышал тогда, как в соседней комнате возится в постели отец – и не без причины. Потому что фермер с заложенным хозяйством подобен человеку, идущему по перилам моста, раскинув руки, с закрытыми глазами. Это такая жизнь, когда разница между достатком и разорением измеряется несколькими днями дождя или несколькими ночами заморозков.

А плотник не мучается по ночам бессонницей, беспокоясь о погоде. Ему крайности погоды на руку. Он рад метели, ливню и смерчу. Грибок, нашествие насекомых – тоже к стати. Силы природы медленно, но неуклонно подтачивают дом, подрывают фундамент, трухлявят балки, крошат штукатурку.

Ничего этого Эммет не сказал, когда мистер Шалти задал ему вопрос. Он положил вилку и ответил просто:

– Я вот как думаю, мистер Шалти: это у Иова были волы, а у Ноя – молоток.

Мистер Шалти рассмеялся и тут же нанял Эммета.

Большинство фермеров в округе, если бы их старший сын вечером пришел домой и объявил, что нанялся к плотнику, устроили бы ему такую взбучку, что он не скоро бы забыл. А

потом, возможно, поехали бы еще к дому плотника и сказали бы ему пару ласковых, чтобы в другой раз ему не захотелось вмешиваться в воспитание чужого сына.

Но в тот вечер, когда Эммет, придя домой, сказал отцу, что договорился о работе с мистером Шалти, отец не рассердился. Внимательно выслушал. Подумав минуту, он сказал, что мистер Шалти хороший человек, а плотницкое ремесло – дело полезное. И в первый день лета он приготовил Эммету плотный завтрак, дал еды с собой и благословил на работу у чужого.

Может быть, и тут он рассудил неправильно.

* * *

Когда Эммет спустился, мистер Рэнсом сидел на ступеньках веранды, локтями опершись на колени, шляпа по-прежнему в руке. Эммет сел рядом; оба смотрели на парующее поле. Вдалеке виднелась изгородь, за ней начиналось ранчо Рэнсома. По последним сведениям, известным Эммету, у мистера Рэнсома было девятьсот с лишним голов скота и восемь наемных работников.

– Хочу поблагодарить вас, что взяли к себе Билли, – сказал Эммет.

– Это самое малое, что могли сделать. Кроме того, ты не представляешь себе, как довольна была Салли. Скучно ей было держать дом для меня одного, а с твоим братом – другое дело. С тех пор, как Билли к нам перебрался, мы и питаться стали лучше.

Эммет улыбнулся.

– Все равно. Для Билли это большое дело, и мне было спокойнее, что он с вами.

Мистер Рэнсом кивнул в ответ на благодарность юноши.

– Директор Уильямс, кажется, хороший человек, – сказал он, помолчав.

– Он хороший.

– Не похож на канзасца.

– Да. Он вырос в Филадельфии.

Мистер Рэнсом покрутил шляпу в руках. Эммет видел, что у соседа какая-то мысль. Он еще не знал, как ее высказать и надо ли это вообще. Или хотел выбрать подходящий момент. Но иногда выбирают его за тебя: облако пыли вдалеке над дорогой означало, что едет сюда его дочь.

– Эммет, – начал он. – Директор Уильямс правильно сказал, что ты заплатил свой долг – что касается общества. Но город у нас маленький, гораздо меньше Филадельфии, и в Моргене не все смотрят на это так, как Уильямс.

– Вы говорите о Снайдерах.

– Я говорю о Снайдерах, Эммет, но не только о Снайдерах. У них родственники в нашем округе. У них соседи и старые друзья семьи. И люди, с которыми они ведут дела, и прихожане их церкви. Все мы знаем: сколько раз Джимми Снайдер попадал в беду, всегда это было делом его рук. За свои семнадцать лет он накосячил столько, что хватило бы на целую жизнь. Но для его братьев это не имеет значения. Тем более после того, как погиб на войне Джо-младший. Они и так были не очень довольны тем, что ты получил всего восемнадцать месяцев в Салине, а когда тебя еще и выпустили на несколько месяцев раньше из-за смерти отца, вообще пришли в ярость. И при любой возможности постараются, чтобы ты эту ярость почувствовал. Так что, пока у тебя целая жизнь впереди, а вернее, потому, что у тебя вся жизнь впереди, подумай о том, чтобы начать ее где-нибудь в другом месте.

– Об этом вы не беспокойтесь, – сказал Эммет. – Через сорок восемь часов нас с Билли, думаю, уже не будет в Небраске.

Мистер Рэнсом кивнул.

– Твой отец мало чего после себя оставил, я хочу дать тебе немного, пока ты не обосновался где-то.

- Мистер Рэнсом, я не могу взять у вас деньги. Вы и так для нас много сделали.
- Тогда считай, что в долг. Расплатишься, когда устроишься.
- Пока что, думаю, на Уотсонах уже достаточно долгов, – ответил Эммет.

Рэнсом кивнул с улыбкой. Потом встал, надел шляпу – как раз, когда на дорожку шумно въехал пикап, именуемый «Бетти». За рулем сидела Салли, Билли рядом с ней. С громким выхлопом машина затормозила юзом, но Билли выскочил из кабины еще на ходу. С вещевым мешком от лопаток до зада, он пробежал мимо Рэнсома и обнял Эммета за пояс.

Эммет присел на корточки и обнялся с братом.

К ним с улыбкой и блюдом в руках, в цветастом воскресном платье шла Салли.

Мистер Рэнсом воспринял и платье, и улыбку философски.

– Смотрите, кто к нам приехал, – сказала Салли. – Не задуши его, Билли Уотсон.

Эммет поднялся и положил руку на макушку брата.

– Здравствуй, Салли.

Салли, как всегда, когда волновалась, сразу перешла к делу.

– Дом подметен, кровати застелены, в ванной свежее мыло, в холодильнике масло, молоко, яйца.

– Спасибо, Салли, – сказал Эммет.

– Я предложила поужинать с нами, но Билли настоял, чтобы вы вдвоем первый раз поели дома. Ты только что с дороги, и я сделала вам запеканку.

– Напрасно ты беспокоилась.

– Напрасно, не напрасно – вот она. Поставишь в духовку, сто восемьдесят градусов, на сорок пять минут.

Эммет взял миску, Салли покачала головой.

– Надо было записать для тебя.

– Думаю, Эммет как-нибудь запомнит инструкцию, – сказал мистер Рэнсом. – Если не он, так Билли точно запомнит.

– В духовку на сто восемьдесят градусов и на сорок пять минут, – сказал Билли.

Мистер Рэнсом повернулся к дочери.

– Ребятам не терпится побыть вдвоем, а у нас еще дела дома.

– Я зайду на минуточку, проверю, все ли...

– Салли, – сказал мистер Рэнсом тоном, не предполагающим возражений.

Салли показала на мальчика и улыбнулась.

– Веди себя хорошо, малыш.

Рэнсомы сели в пикап и выехали на дорогу. Эммет и Билли проводили их взглядом. Потом Билли повернулся к Эммету и снова обнял его.

– Эммет, я рад, что ты дома.

– Билли, я тоже рад, что дома.

– Теперь тебе не надо возвращаться в Салину. Да?

– Да. Больше никогда не надо возвращаться. Пошли.

Билли отпустил Эммета, и они вошли в дом. В кухне Эммет открыл холодильник и поставил запеканку на нижнюю полку. На верхней полке стояло обещанное молоко, лежали масло и яйца. А кроме этого – банка домашнего яблочного пюре и банка персиков в сиропе.

– Хочешь поесть?

– Нет, спасибо, Эммет. Перед тем, как выехали, Салли сделала мне бутерброд с арахисовой пастой.

– А молока?

– Ага.

Эммет поставил стаканы с молоком на стол. Билли снял вещевой мешок и поставил на свободный стул. Отстегнул верхний клапан и осторожно вынул пакетик в фольге. Там был

столбик из восьми печений. Два он положил на стол – Эммету и себе. Остальные завернул в фольгу, положил в мешок, застегнул клапан и вернулся на свое место.

– Ничего у тебя мешок, – сказал Эммет.

– Это настоящий армейский вещмешок, – сказал Билли. – Он из так называемых армейских излишков, не побывал на войне. Я купил его в магазине мистера Гандерсона. И еще фонарь из излишков, компас и эти часы.

Билли вытянул руку и показал болтающиеся на запястье часы.

– Даже с секундной стрелкой.

Выразив восхищение часами, Эммет откусил печенье.

– Вкусно. С шоколадной крошкой?

– Да. Салли испекла.

– Ты помогал?

– Я отмыл миску.

– Не сомневаюсь.

– Вообще Салли много напекла, а мистер Рэнсом сказал, что перестаралась. И Салли сказала, что даст нам четыре печенья, а тайком дала восемь.

– Повезло нам.

– Конечно – чем четыре-то. А если бы все дала, еще больше повезло бы.

Эммет улыбнулся, отпил молока и, не опустив стакан, оглядел брата. Билли подрос пальца на два и подстрижен был короче, чем обычно дома, но, в общем, почти не изменился за это время, и физически, и душевно. По нему больше всего Эммет скучал в Салине и сейчас был рад видеть его прежним. Рад был, что сидят сейчас вместе за столом в их кухне. И видел, что Билли так же рад.

– Учебный год нормально закончил? – спросил Эммет, поставив стакан на стол.

Билли кивнул.

– За контрольную по географии сто пять процентов получил.

– Сто пять процентов?

– Обычно сто пять процентов не бывает, – пояснил Билли. – Обычно, самое большее, можешь получить сто.

– Как же ты вытянул сто пять из миссис Купер?

– А был дополнительный вопрос.

– Какой же?

Билли процитировал по памяти.

– «Какое здание самое высокое в мире?».

– И ты знал ответ?

– Знал...

– Не скажешь мне?

Билли помотал головой.

– Это будет нечестно. Ты должен сам узнать.

– Согласен.

Помолчав минуту, Эммет сообразил, что смотрит в свое молоко. У него была мысль. И он решал, надо ли ее высказать – и когда.

– Билли, – начал он, – не знаю, сказал ли тебе мистер Рэнсом, но мы больше не можем здесь жить.

– Я знаю, – сказал Билли. – Ферма отчуждается.

– Правильно. Ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, что нашим домом теперь владеет Сберегательный и кредитный банк.

– Правильно. Они забирают дом, но мы можем остаться в Моргене. Какое-то время пожить у Рэнсомов. Я могу наняться к мистеру Шалти, осенью ты пойдешь в школу, а потом

как-нибудь сумеем купить себе дом. Но я подумал, что стоит нам с тобой попробовать что-нибудь новое...

Эммет долго думал о том, как сказать это – боялся, что Билли огорчит расставание с Моргеном, да еще так скоро после смерти отца. Но Билли совсем не огорчился.

– Эммет, я о том же думал.

– Правда?

Билли энергично кивнул.

– Папа умер, дом отбирают – незачем оставаться в Моргене. Соберем вещи и поедem в Калифорнию.

– Кажется, у нас согласие, – с улыбкой сказал Эммет. – Только думаю, нам надо ехать в Техас.

– Нет, нам не надо в Техас. – Билли помотал головой.

– Почему это?

– Потому что нам надо ехать в Калифорнию.

Эммет хотел было что-то сказать, но Билли уже встал и подошел к мешку. На этот раз он открыл передний карман, вынул конверт и вернулся на место. Он аккуратно смотал красную нитку с клапана конверта и стал объяснять.

– После папиных похорон, когда ты поехал обратно в Салину, мистер Рэнсом послал нас с Салли в дом искать важные документы. В нижнем ящике папиного бюро мы нашли металлическую коробку. Незапертую, хотя ее можно запирать, если надо. В ней были важные документы, как и сказал мистер Рэнсом, – наши свидетельства о рождении, мамино и папино свидетельство о браке. А на дне коробки, на самом дне, я вот что нашел.

Билли перевернул конверт над столом, и из него выпало девять открыток.

Судя по состоянию открыток, они были не совсем старые, но и не совсем новые. Некоторые были фотографиями, некоторые – картинками, но все цветные. На верхней – фотография мотеля «Уэлш мотор-корт», в Огаллале, Небраска, – современного вида мотель, с белыми домиками, посадками вдоль дороги и американским флагом на флагштоке.

– Это открытки, – сказал Билли. – Тебе и мне. От мамы.

Эммет был ошеломлен. Почти восемь лет прошло с тех пор, как мать поправила на них одеяла, поцеловала на сон грядущий и вышла за дверь – и с тех пор от нее ни слова. Ни звонков, ни писем, ни красивых свертков под Рождество. Даже ни слуха из десятых уст. С этим до сих пор жил Эммет.

Он взял открытку с мотелем и посмотрел обратную сторону. Красивый мамин почерк; адресовано им обоим. Как обычно на открытках, всего несколько строк. Сказано, как она о них соскучилась, хотя прошел всего день. Эммет взял другую. В верхнем левом углу изображен ковбой верхом на лошади. Веревка лассо закручена на переднем плане словами *«Привет из Ролинса, Вайоминг, – столицы Великих равнин»*. В шести фразах – последняя загибалась кверху на правый край, – мать сообщала, что еще не видела в Ролинсе ковбоя с лассо, зато видела много коров. В конце опять – как она их обоих любит и скучает по ним.

Эммет просмотрел остальные открытки, обращая внимание на названия городов, мотелей и ресторанов, пейзажи и достопримечательности, и заметил, что на всех, кроме одной – яркое голубое небо.

Зная, что брат наблюдает за ним, Эммет хранил невозмутимое лицо. А в самом вспыхнуло возмущение отцом. Он перехватывал открытки и прятал. Ладно, он был зол на жену, но он не имел права скрывать их от сыновей, прежде всего от Эммета, который мог уже сам их прочесть. Но гнев сразу погас. Эммет понимал, что для отца это было единственным разумным решением. Что пользы от нескольких фраз в открытке, написанных женщиной, которая бросила родных детей?

Эммет положил открытку из Роулинса на стол.

– Ты помнишь, что мама уехала от нас пятого июля? – спросил Билли.

– Помню.

– Она писала нам открытку каждый день, девять дней.

Эммет снова взял открытку из Огаллалы и посмотрел на то место, где было написано: «Милые Эммет и Билли», – но даты не было.

– Мама не писала даты, – сказал Билли. – Но можно увидеть на штемпеле.

Билли взял у Эммета открытку, потом перевернул остальные, разложил на столе и стал показывать на штемпели.

– Пятое июля. Шестое июля. Седьмого июля не было, но тут два от восьмого. Это потому, что в тысяча девятьсот сорок шестом году седьмого июля было воскресенье, поэтому ей пришлось отправить две открытки в понедельник. Но ты вот что посмотри.

Билли подошел к вещмешку и вынул из переднего кармана что-то похожее на брошюру. Он разложил ее на столе – это была дорожная карта Соединенных Штатов. Через всю страну тянулась дорога, которую Билли обвел черными чернилами. В западной половине страны были обведены кружками девять городов.

– Это шоссе Линкольна, – объяснил Билли. – Его придумали в тысяча девятьсот двенадцатом году и назвали в честь Авраама Линкольна. Это была первая дорога от одного конца Америки до другого.

Билли повел пальцем от Атлантического побережья.

– Оно начинается на Таймс-сквер в Нью-Йорке и через три тысячи триста девяносто миль заканчивается в Линкольн-Парке в Сан-Франциско. И проходит прямо через Централ-Сити, всего в двадцати милях от нашего дома.

Билли умолк и провел пальцем от Централ-Сити до черной звездочки, которой он отметил на карте их дом.

– Мама уехала от нас пятого июля и поехала вот так...

Билли взял открытки и стал раскладывать их по низу карты в западном направлении, каждую под соответствующим городом.

Огаллала.

Шайенн.

Ролинс.

Рок-Спрингс.

Солт-Лейк-Сити.

Или.

Рино.

Сакраменто.

И последнюю открытку с видом на большое классическое здание над фонтаном парка в Сан-Франциско.

Билли выдохнул, довольный тем, как разложены открытки на карте. Эммет же ощущал неловкость, как будто они заглядывали в чьи-то чужие письма... не им адресованные.

– Билли, – сказал он, – я не уверен, что нам надо ехать в Калифорнию.

– Эммет, нам надо ехать в Калифорнию. Ты понимаешь? Поэтому она и посылала нам открытки. Чтобы мы могли ехать за ней.

– Но она за восемь лет не послала ни одной открытки.

– Потому что тринадцатого июля она перестала ехать. Нам надо только доехать по шоссе Линкольна до Сан-Франциско, и там мы ее найдем.

Эммету очень хотелось сказать брату что-то разумное, разубедить его. Что не обязательно мать остановилась в Сан-Франциско, что вполне могла поехать дальше и, скорей всего, поехала, что если и думала о сыновьях в эти первые девять вечеров, то, по всем признакам,

думать с тех пор перестала. В итоге он сказал только, что если она и живет в Сан-Франциско, то найти ее будет практически невозможно.

Билли кивнул с видом человека, уже обдумавшего эту проблему.

– Помнишь, ты мне говорил, как мама любит фейерверки и как повезла нас четвертого июля в Сьюард специально смотреть большой фейерверк?

Эммет не помнил, чтобы рассказывал об этом брату, и, учитывая все, не представлял себе, чтобы у него возникло такое желание. Но отрицать сейчас не мог.

Билли взял последнюю открытку – со строгим зданием и фонтаном. Перевернул ее и провел пальцем по словам матери.

«Это Дворец Почетного легиона в Линкольн-парке в Сан-Франциско, и каждый год четвертого июля здесь устраивают один из самых больших фейерверков в Калифорнии!»

Билли посмотрел на брата.

– Там она и будет, Эммет. На фейерверке у Дворца Почетного легиона. Четвертого июля.

– Билли... – начал Эммет.

Но Билли, услышав скепсис в голосе брата, энергично помотал головой. Он снова обратился к карте и провел пальцем по маршруту матери.

– Из Огаллалы в Шайенн, из Шайенна в Ролинс, из Ролинса в Рок-Спрингс, из Рок-Спрингса в Солт-Лейк-Сити, из Солт-Лейк-Сити в Или, из Или в Рино, из Рино в Сакраменто, а из Сакраменто в Сан-Франциско. И мы так же поедем.

Эммет откинулся на спинку и подумал.

Техас он выбрал не случайно. Куда ему с братом отправиться, он обдумывал тщательно и систематически. Он часами сидел в маленькой библиотеке Салины, листал альманах и тома энциклопедии, покуда вопрос, куда им ехать, не решился окончательно. Но Билли, в свою очередь, так же тщательно, так же систематически обдумывал вопрос и пришел к столь же ясному решению.

– Хорошо, Билли, я так тебе скажу. Положи-ка ты открытки в конверт и дай мне немного подумать над тем, что ты сказал.

На этот раз Билли энергично закивал.

– Это правильная мысль, Эммет. Это правильная мысль.

Собрав открытки в последовательности с востока на запад, он засунул их в конверт, надежно обмотал его красной ниткой и спрятал в вещевой мешок.

– Ты подумай немного над этим, Эммет. Ты поймешь.

* * *

Наверху, пока Билли занимался чем-то у себя в комнате, Эммет долго стоял под горячим душем. Закончив, собрал свои вещи с пола – то, в чем ехал в Салину и из Салины, – вынул из кармана рубашки пачку сигарет и бросил всю кучу в мусорное ведро. Подумав, бросил туда и сигареты и прикрыл одеждой.

У себя в комнате он надел рабочую рубашку, чистые джинсы с любимым ремнем и ботинки. Потом открыл верхний ящик бюро и вынул пару носков, скатанных в мячик. Развернул его и встряхнул один носок – из него выпали ключи от машины. Он прошел по коридору и заглянул в комнату брата.

Билли сидел на полу рядом со своим мешком. На коленях у него лежала синяя жестяная коробка из-под табака с портретом Вашингтона, а на ковре – расставлены столбиками серебряные доллары.

– Похоже, пока меня не было, ты еще несколько раздобыл, – сказал Эммет.

– Три, – ответил Билли, аккуратно положив монету на место.

– Сколько еще не хватает?

Билли пальцем показал на свободные места между столбиками.

– Тысяча восемьсот восемьдесят первого, девяносто четвертого, девяносто пятого, девяносто девятого, тысяча девятьсот третьего.

– Тебе уже немного осталось.

Билли кивнул.

– Но девяносто четвертого и девяносто пятого очень трудно найти. Повезло, что нашелся тысяча восемьсот девяносто третьего.

Билли посмотрел на брата.

– Ты думал о Калифорнии?

– Я думал. Но надо еще немного подумать.

– Правильно.

Билли снова занялся своими монетами, а Эммет второй раз за день оглядел его комнату – аккуратно разложенные на полках коллекции, самолеты над кроватью.

– Билли...

Билли поднял голову.

– В Техас мы поедem или в Калифорнию, я думаю, лучше всего нам отправиться налегке. Ведь мы начинаем как бы сначала.

– Эммет, я о том же думал.

– Правда?

– Профессор Абернэти говорит, что неустрашимый путешественник зачастую пускается в путь с тем немногим, что поместилось в его мешок. Поэтому я и купил вещевой мешок в магазине мистера Гандерсона. Чтобы тут же отправиться, как только ты вернешься. В нем уже все необходимое.

– Все?

– Все.

Эммет улыбнулся.

– Я пошел в сарай, проверю машину. Хочешь со мной?

– Сейчас? – удивился Билли. – Постой. Подожди секунду. Не иди без меня.

Тщательно разложенные в хронологическом порядке монеты Билли сгреб и стал торопливо сыпать в коробку. Потом закрыл крышкой, положил коробку в мешок, а мешок надел на плечи. И первым стал спускаться вниз, к двери.

Когда они шли по двору, Билли обернулся и сообщил, что мистер Обермейер повесил замок на сарай, но Салли взломала его монтировкой, которая лежала у нее в кузове пикапа.

И в самом деле, петля – все еще с замком – свободно висела на винтах. Внутри было тепло и стоял привычный запах скота, хотя самого скота на ферме не держали с тех пор, как Эммет был мальчиком.

Эммет приостановился, чтобы глаза привыкли к сумраку. Перед ним стоял новый трактор «Джон Дир», а за ним выдавшая виды жатка. Эммет зашел в глубину сарая и остановился перед громоздким предметом под брезентом.

– Мистер Обермейер снял брезент, но Салли помогла мне снова натянуть.

Эммет взял брезент за угол и потянул обеими руками. Брезент лег кучей к его ногам, и там, на том же месте, где Эммет оставил его пятнадцать месяцев назад, стоял голубой седан – «студебекер лэнд-крузер» сорок восьмого года выпуска.

Эммет провел ладонью по капоту, открыл водительскую дверь и сел. С минуту он сидел неподвижно, положив руки на руль. Когда он купил машину, у нее уже было восемьдесят тысяч миль пробега, вмятины на капоте и дырки от сигарет на чехлах сидений, но шла машина ходко. Он вставил и повернул ключ зажигания и нажал стартер, ожидая послушного бурчания двигателя – но мотор молчал.

Билли, стоявший в стороне, неуверенно подошел.

– Сломалась?

– Нет, Билли. Аккумулятор разрядился. Так бывает, когда машина долго простаивала. Но это легко поправить.

Билли с облегчением сел на тюк сена и снял с плеч мешок.

– Эммет, хочешь еще печенья?

– Нет. Сам ешь.

Билли раскрыл свой мешок, а Эммет вылез из машины, зашел к ней сзади и открыл багажник. Теперь крышка багажника загораживала его от брата. Он стянул войлок с запасного колеса в углу и провел рукой по шине. Наверху, как и обещал отец, лежал конверт с его именем. В конверте записка рукой отца.

«Еще одно послание, но от другого призрака», – подумал Эммет.

*«Милый сын,
когда ты будешь читать это, ферма, я думаю, уже отойдет банку. Так
что ты можешь рассердиться на меня или разочароваться во мне, и я тебя
за это не осужу.*

*Ты был бы изумлен, узнав, сколько оставил мне отец после себя и
сколько оставил отцу дед, а деду – мой прадед. Не только акции и облигации,
но и дома, и картины. Мебель, посуду, членство в клубах и обществах. Все эти
три человека были преданы пуританской традиции искать одобрения в глазах
Господа за то, что оставляют своим детям больше, чем было оставлено им.*

*В конверте ты найдешь все, что я мог вам оставить – два наследства,
одно маленькое, одно большое, оба кощунственного свойства.*

*Я пишу это не без стыда, сознавая, что в той жизни, какую я вел,
я нарушил добродетельную традицию бережливости, установленную моими
предками. Но в то же время испытываю гордость от сознания, что ты с
этим скудным наследством несомненно достигнешь большего, чем я достиг,
унаследовав богатство.*

*С любовью и уважением,
твой отец Чарльз Уильям Уотсон»*

К письму скрепкой было пришпилено первое наследство – вырванная из старой книги страница.

Отец Эммета не распекал детей в сердцах, даже когда они этого заслуживали. Эммет запомнил единственный случай, когда отец не сдержал гнева: в тот день Эммета прогнали с уроков за то, что он испортил учебник. Вечером отец сурово внушал ему, что портить страницы в книге – это значит уподобиться вестготу. Это значит нанести удар по самому святому и благородному достижению человека – способности записывать прекраснейшие идеи и чувства, чтобы они остались на века, новым поколениям.

Вырвать страницу из книги – кощунство в глазах отца. И что еще скандальнее – это была страница из книги эссе Ральфа Уолдо Эмерсона, книги, которую отец ставил выше всех книг. В нижней части страницы отец аккуратно подчеркнул красными чернилами два предложения.

*«В духовной жизни каждого человека наступает такой момент, когда он
приходит к убеждению, что зависть порождается невежеством; что подражание
– самоубийство; что человек, хочет он того или нет, должен примириться
с собой, как и с назначенным ему уделом; что какими бы благами ни
изобиловала вселенная, хлеба насущного ему не найти, коль скоро он не будет
прилежно возделывать отведенный ему клочок земли. Силы, заложенные в
нем, не имеют подобных в природе, и лишь ему одному дано узнать, на что он
способен, а это не прояснится, пока он не испытает себя».*

Эммет сразу понял, что этот отрывок из Эмерсона надо понимать двояко. Во-первых, как самооправдание. Отец объяснял, почему вопреки здравому смыслу он отказался от домов и картин, от членства в клубах и обществах, чтобы уехать в Небраску и возделывать землю. Отец представил эту страницу из Эмерсона как доказательство того, что у него не было иного выхода, словно это было повеление свыше.

Но если, с одной стороны, это было самооправданием, то с другой – увещанием, призывом к Эммету не испытывать вины, раскаяния, колебаний, расставшись с землей, которой отец отдал половину жизни, – если только покинет ее для того, чтобы искать без зависти и подражания свою долю и в поисках этих узнать, на что он один способен.

В конверте под страницей Эмерсона было второе наследство – пачка новеньких двадцатидолларовых купюр. Проведя большим пальцем по чистому хрусткому обреза пачки, Эммет прикинул, что тут примерно полтораста бумажек – около трех тысяч долларов.

Если Эммет мог понять, почему отец назвал кошунством вырванную страницу, то в отношении денег согласиться с этим не мог. Вероятно, отец считал их кошунством потому, что завещал их тайком от кредиторов. То есть пошел на это вопреки законным обязательствам и собственным понятиям о правом и неправом. Но, двадцать лет выплачивая проценты по закладной, отец дважды оплатил полную стоимость фермы. Оплатил тяжелым трудом, разочарованием в браке и, наконец, собственной жизнью. Так что нет, отложенные три тысячи долларов не были в глазах Эммета кошунством. Каждый цент был отцом заработан.

Одну двадцатку Эммет положил в карман, остальные вернул на прежнее место и снова накрыл войлоком.

– Эммет... – позвал Билли.

Эммет закрыл багажник и посмотрел на брата – но Билли на него не смотрел. Он смотрел на двух человек в дверях сарая. Низкое вечернее солнце светило на них сзади, и Эммет не мог понять, кто они. Пока худой слева, раскинув руки, не сказал:

– Алле оп!

Дачес

Видели бы вы лицо Эммета, когда он понял, кто стоит в дверях. По его выражению можно было подумать, что мы вылупились из воздуха.

В начале сороковых годов был иллюзионист, выступавший под именем Казантикис. Остряки из цирковых прозвали его полоумным Гудини из Хакенсака, но это не совсем справедливо. Первая часть его номера была так себе, но финал – шикарный. У вас на глазах его опутывали цепями, запирали в сундук и опускали в большой стеклянный бак с водой. Красивая блондинка выкатывала громадные часы, а шпрых объявлял публике, что обычный человек может задержать дыхание на две минуты, что через четыре минуты без кислорода начинается головокружение, а через шесть человек теряет сознание. Два агента из сыскного бюро Пинкертона проверяют, что замок на сундуке заперт, и священник Греческой православной церкви, натуральный, в длинной черной рясе, с длинной белой бородой стоит тут же – на случай, если надо будет прочесть молитву на исход души. Сундук опускают в воду, и блондинка пускает часы. Через две минуты публика начинает свистеть и ржать. Через пять – ахают и охают. Восемь минут – пинкертоновцы встревоженно переглядываются. Через десять поп осеняет себя крестным знамением и бормочет загадочную молитву. На двенадцатой минуте блондинка разражается слезами, из-за занавеса выбегают двое рабочих и помогают пинкертонам поднять сундук из бака. С глухим стуком его роняют на сцену, в свете ramпы брызжет вода и льется в оркестровую яму. Один из пинкертонов долго возится с ключами, другой отодвигает его, вынимает пистолет и отстреливает замок. Он поднимает крышку сундука, наклоняется над ним и видит, что сундук... пуст. Тут поп срывает с себя бороду, и оказывается, что он не кто иной, как Казантикис: волосы у него мокрые, и все до одного зрители смотрят на него в ошолоблении. Вот так смотрел Эммет Уотсон, когда понял, кто стоит в дверях.

– Дачес?

– Собственной персоной. И Вулли.

Эммет все не мог опомниться.

– Но как...?

Я засмеялся.

– Вот в чем вопрос, а?

Я приложил ладонь ко рту и понизил голос:

– Нас подвез директор. Пока он выписывал тебя, мы залезли к нему в багажник.

– Ты шутишь.

– Понимаю. Путешествием в первом классе это не назвать. Градусов сорок, и Вулли каждые десять минут просится пописать. А когда въехали в Небраску? Ухабы такие, что думал, будет сотрясение мозга. Кто-то должен написать губернатору!

– Привет, Эммет, – сказал Вулли, как будто только что присоединился к компании.

Обожаю это в нем. Вулли всегда прибегает на пять минут позже, лезет не на ту платформу, не с тем багажом – когда разговор уже отъезжает от станции. Некоторых это его свойство немного раздражает, но я всегда предпочту того, кто прибегает на пять минут позже, тому, кто прибегает на пять минут раньше.

Краем глаза я следил за мальчонкой, который сидел на сене и потихоньку подвигался к нам. Я показал на него пальцем, и он замер, как белка на траве.

– Билли? Да? Твой брат говорит, что ты вострый парень. Это правда?

Мальчишка улыбнулся, придвинулся еще и встал рядом с Эмметом. Он посмотрел на брата.

– Эммет, это твои друзья?

– Конечно, мы его друзья!

– Они из Салины, – объяснил Эммет.

Я хотел было рассказать подробнее, но тут заметил автомобиль. А до этого так был вдохновлен нашим воссоединением, что не заметил его за тяжелой техникой.

– Эммет, это «студебекер»? Как называется этот цвет? Лазурный?

Объективно говоря, на такой примерно машинке жена твоего зубного врача едет играть в лото, но я все равно одобрительно присвистнул. Потом обратился к Билли:

– Некоторые ребята в Салине прикалывают к верхней койке над собой фотографию своей девушки, чтобы глядеть на нее, пока не погасят свет. У некоторых фотография Элизабет Тейлор или Мэрилин Монро. А твой брат приколот рекламу из старого журнала – цветное фото его машины. Скажу честно, Билли. Мы его этим сильно доставали. Влюбился в автомобиль. Но теперь я сам его увидел и...

Я с восхищением покачал головой. И повернулся к Эммету:

– Слушай, можно мы прокатимся?

Эммет не ответил – он смотрел на Вулли, а тот на паутину без паука.

– Как ты, Вулли? – спросил он.

Вулли обернулся и немного подумал.

– Хорошо, Эммет.

– Когда ты последний раз ел?

– А. Не помню. Наверное, перед тем как залезли в машину директора. Правильно, Дачес?

Эммет повернулся к брату.

– Билли, ты помнишь, что Салли сказала насчет ужина?

– Она сказала, готовить при ста восьмидесяти градусах сорок пять минут.

– Пойди тогда с Вулли в дом, поставь в духовку и накрой на стол. Мне надо кое-что показать Дачесу, и сразу придем.

– Хорошо, Эммет.

Билли и Вулли пошли к дому, мы смотрели им вслед, а я гадал, что это хочет показать мне Эммет. Он повернулся ко мне – и был не похож на себя. Он был явно не в духе. Наверное, так бывает с некоторыми, когда случается что-то неожиданное. Я, например, люблю сюрпризы. Люблю, когда жизнь достает кролика из шляпы. Когда тебе подают фаршированную индейку с овощами в середине мая. Но большинство людей не любят, когда их застают врасплох – даже хорошей новостью.

– Дачес, что вы здесь делаете?

Теперь уже я удивился.

– Что мы здесь делаем? Приехали навестить тебя. И посмотреть ферму. Ну, ты понимаешь. Слышишь столько рассказов от друга про жизнь на ферме, и хочется увидеть своими глазами.

Для ясности я показал на трактор, на кучу сена и на раскинувшуюся за дверью американскую прерию, которая пыталась убедить нас, что земля все-таки плоская.

Эммет проследил за моим взглядом, потом повернулся ко мне.

– Вот что, – сказал он. – Давай поедим, я устрою вам с Вулли маленькую экскурсию, выпьемся как следует, и утром отвезу вас обратно в Салину.

Я махнул рукой.

– Тебе не нужно везти нас в Салину. Ты только что приехал домой. Кроме того, не думаю, что мы туда вернемся. Во всяком случае, не сразу.

Эммет закрыл на секунду глаза.

– Сколько месяцев тебе осталось от срока? Пять или шесть? Вы оба почти уже на воле.

– Это верно, – согласился я. – Совершенно верно. Но когда директор Уильямс сменил Акерли, он уволил ту медсестру из Нового Орлеана. Она помогала Вулли добывать лекарство.

Теперь у него последние несколько пузырьков – а ты знаешь, какой он печальный без лекарства...

– Это у него не лекарство.

Я кивнул.

– Для кого-то гадость, для кого-то радость, а?

– Дачес, кому-кому, а не тебе это объяснять. Чем дольше вы в самовольной отлучке, чем дальше вы уехали от Салины, тем хуже будут последствия. А этой зимой вам исполнилось восемнадцать. И если вас поймают за границей штата, то в Салину могут не вернуть. Могут отправить вас в Топику.

Что тут говорить: большинству людей, чтобы сложить два и два, нужен телескоп и стремянка. Вот почему объясняться с ними – одна морока. Но не с Эмметом Уотсоном. Он с первого взгляда видит всю картину целиком – и в общем, и во всех деталях. Я поднял руки – сдаюсь.

– Согласен на сто процентов, Эммет. Я то же самое пытался объяснить Вулли, в тех же словах. Но он не слушал. Он твердо решил свалить. У него был целый план. Смоется в субботу ночью, рванет в город, угонит машину. Даже нож притырил, когда дежурил на кухне. Да не столовый. Разделочный для мяса. А сам мухи не обидит. Мы-то с тобой знаем. А полицейские не знают. Видят дерганого парня, взгляд блуждает, мясницкий нож в руке, – и валят его, как собаку. И я сказал ему, если положит нож, где взял, помогу ему по-тихому выбраться из Салины. Он вернул нож, мы залезли в багажник – и вуаля, мы тут.

И все это было правдой.

Кроме ножа.

Это называется приукрашиванием – безобидное маленькое преувеличение ради яркости. Вроде громадных часов в номере Казантикиса или пинкертон, стреляющего в замок. Эти мелочи как будто не нужны на первый взгляд, но сообщают представлению убедительность.

– Эммет, ты меня знаешь. Я мог бы отбыть свой срок и еще отбыть за Вулли. Пять месяцев, пять лет – один черт. Но при том, в каком состоянии у него мозги, думаю, он не выдержал бы еще и пяти дней.

Эммет посмотрел в ту сторону, куда ушел Вулли.

Мы оба знали, что его беда – в богатстве. Он вырос в доме со швейцаром в Верхнем Ист-Сайде, у него загородный дом, машина с шофером, повар на кухне. Его дед дружил и с Тэдди, и с Франклином Рузвельтами, а отец был героем Второй мировой войны. Но такого большого везения иногда оказывается слишком много. Бывает, в чувствительной душе перед лицом такого изобилия поселяется смутная тревога, словно бы эта груда домов, автомобилей, Рузвельтов разом обвалится на него. Сама мысль об этом отнимает у него аппетит и раздражает нервы. Ему трудно сосредоточиться, и это мешает читать, писать, складывать и вычитать числа. Его попросили из одной школы-пансиона – его сдают в другую. А потом еще в другую. В итоге такому парню нужно как-то от мира отгородиться. И кто его за это упрекнет? Я первый вам скажу, что богачи не заслуживают и двух минут вашего сочувствия. Но такой душевный человек, как Вулли? Это совсем другая история.

По лицу Эммета я видел, что он занят такими же расчетами, думает о нежной натуре Вулли и не знает, отправить ли его обратно в Салину или помочь ему благополучно сбежать. Дилемма была непростая. Но потому, наверное, и называется дилеммой.

– День был трудный, – сказал я и положил руку Эммету на плечо. – Давай-ка вернемся в дом и преломим хлебушек? На сытый желудок мы лучше разберемся, что и почему.

* * *

Деревенская кухня.

На востоке часто о ней слышишь. Это из тех вещей, о которых люди говорят с почтением, хотя лично с ними не сталкивались. Вроде правосудия или Иисуса Христа. Но в отличие от большинства таких вещей, которыми люди восхищаются издали, деревенская стряпня заслуживает восхищения. Она в два раза вкуснее той, что подадут в «Дельмонико», – и без всяких прибаамбасов. Может быть, потому что готовят по рецептам, выработанным прапрабабушками, которые ехали в фургонах на Запад. А может быть, потому что столько часов деревенские проводили в обществе свиней и картошки. Так или иначе, я отодвинул тарелку только после третьей порции.

– Вот это накормили.

Я спросил мальчишку – его голова едва возвышалась над столом:

– Билли, как зовут ту симпатичную брюнетку? В платье с цветами и рабочих ботинках – надо бы поблагодарить ее за вкусную еду?

– Салли Рэнсом, – сказал он. – А запеканка с курицей. Из ее собственной курицы.

– Собственной курицы? Эммет, как там эта поговорка? Путь к сердцу мужчины через что?

– Она соседка, – сказал Эммет.

– Понятно. А у меня соседей туча, и хоть раз бы кто угостил запеканкой. А у тебя, Вулли? Вулли вилкой рисовал спирали в остатках соуса.

– Что?

– Тебя соседка когда-нибудь угощала запеканкой? – спросил я громче.

Он задумался на минуту.

– Я никогда не ел запеканку.

Я поднял брови и улыбнулся мальчишке. Он тоже поднял брови и улыбнулся.

Запеканка – не запеканка, Вулли вдруг поднял голову, как будто ему пришла мысль.

– Слушай, Дачес. Ты не спросил Эммета насчет эскапады?

– Эскапады? – переспросил Билли, и голова его чуть приподнялась над столом.

– Мы еще и поэтому сюда приехали. Хотим устроить, малыш, небольшую эскападу и надеялись, твой брат в ней поучаствует.

– Эскападу... – повторил Эммет.

– Лучше слова не придумали, поэтому назвали так, – объяснил я. – Но дело хорошее. Похвальное дело. По сути, исполнение последней воли умирающего.

Я стал объяснять, поглядывая то на Эммета, то на Билли – оба слушали, широко раскрыв глаза.

– Когда дед Вулли умер, он оставил для него деньги в доверительное управление. Вулли, так это называется?

Вулли кивнул.

– Доверительное управление – это особый вклад для несовершеннолетнего, и до совершеннолетия им распоряжается попечитель. А после совершеннолетия он может сам делать с деньгами что хочет. Но когда Вулли исполнилось восемнадцать, благодаря какой-то юридической хитрости попечитель – это муж сестры Вулли, объявил его временно недееспособным. Правильное слово. Так, Вулли?

– Недееспособным, – с виноватой улыбкой подтвердил Вулли.

– Таким образом, этот муж сестры сохранил право распоряжаться вкладом, пока Вулли не станет дееспособным или не умрет, – неважно, что случится раньше.

Я покачал головой.

– И еще называют *доверительным* управлением.

– Но это дело Вулли, Дачес. К тебе это какое имеет отношение?

– К нам, Эммет. К нам имеет отношение.

Я придвинул свой стул к столу.

– У Вулли и его семьи есть дом на севере штата Нью-Йорк.

– Дача, – сказал Вулли.

– Дача, – исправился я. – Время от времени семья собирается там. Ну вот, во время депрессии, когда стали лопаться банки, прадед Вулли решил, что больше не может вполне положиться на американскую банковскую систему. И на всякий случай спрятал полтораста тысяч долларов наличными в сейф на даче. Но что интересно – даже можно сказать, судьбоносно – этот доверительный фонд Вулли составляет сейчас почти точно сто пятьдесят тысяч долларов.

Я помолчал, чтобы до них дошло. Потом посмотрел на Эммета.

– И поскольку Вулли человек великодушный и скромный в своих потребностях, он предложил: если ты и я поедем с ним в Адирондакские горы и поможем овладеть тем, что принадлежит ему по праву, то он разделит добытое на три равные части.

– Сто пятьдесят тысяч долларов разделить на три, будет пятьдесят тысяч долларов, – сказал Билли.

– Точно, – сказал я.

– Все за одного, один за всех, – сказал Вулли.

Я откинулся на спинку; Эммет смотрел на меня. Потом повернулся к Вулли.

– Это была твоя идея?

– Это была моя идея, – подтвердил Вулли.

– И ты не вернешься в Салину?

Вулли положил руки на колени и помотал головой.

– Нет, Эммет. Я не вернусь в Салину.

Эммет испытующе смотрел на Вулли, словно пытаюсь сформулировать еще один вопрос. Но Вулли, по природе не склонный отвечать на вопросы и хорошо научившийся от них уклоняться, принялся очищать тарелки.

Эммет в замешательстве провел ладонью по губам. Я наклонился к нему.

– Одна загвоздка: дом открывают там в последнюю субботу июня, это оставляет нам мало времени. Мне надо заехать в Нью-Йорк повидать отца, а потом мы прямо в Адирондакские горы. Мы вернем тебя в Морген к пятнице, немного усталого с дороги, но на пятьдесят тысяч богаче. Подумай минутку, Эммет... Как обойдешься с пятьюдесятью тысячами? Что бы ты с ними сделал?

Ничего нет загадочнее человеческих желаний – так тебе скажут мозгоправы. Они говорят, что побуждения человека – это замок без ключа от ворот. Побуждения человека – многослойный лабиринт, и поступки часто выскакивают из него как будто бы без смысла и причины. Но на самом деле все не так сложно. Если хочешь понять, что движет человеком, достаточно спросить его: «Что бы ты сделал с пятьюдесятью тысячами долларов?»

Когда задаешь такой вопрос, большинству людей требуется несколько минут, чтобы взвесить возможности и определиться со своими предпочтениями. И это объясняет все, что тебе надо о них знать. Но когда задаешь такой вопрос человеку солидному, чье мнение для тебя важно, он ответит в мгновение ока – и в подробностях. Он уже думал о том, что сделать с пятьюдесятью тысячами. Думал, когда копал канавы, или перекладывал бумажки в конторе, или метал еду на стол в кабаке. Он думал об этом, пока слушал жену, укладывал спать детишек или глядел в потолок среди ночи. В каком-то смысле, думал об этом всю жизнь.

Когда я задал вопрос Эммету, он не ответил, но не потому, что не знал ответа. По выражению его лица понятно было, что он точно знает, как распорядиться пятьюдесятью тысячами – до пятака, до цента.

Мы сидели молча; Билли смотрел то на меня, то на брата и опять на меня. А Эммет смотрел через стол на меня так, словно нас было двое в комнате.

– Дачес, может, это была идея Вулли, а может, еще чья-то. Все равно – я в этом не участвую. Ни в Нью-Йорк не еду, ни туда на дачу, и пятьдесят тысяч мне не надо. Завтра мне надо сделать кое-что в городе. А в понедельник, прямо с утра, мы с Билли отвезем тебя и Вулли на автобусную станцию в Омахе. Оттуда можешь ехать в Нью-Йорк, или в Адирондакские горы, или куда захочешь. А мы с Билли сядем в «студебекер» и отправимся по своим делам.

Эммет произнес эту маленькую речь с очень серьезным видом. Я еще не видел его таким серьезным. Он не повышал голоса и не сводил с меня глаз – даже не взглянул на Билли, – тот изумленно ловил каждое слово.

И тут до меня дошло, какую я допустил оплошность. Изложил все детали в присутствии малыша.

Как я уже говорил, Эммет Уотсон ухватывает всю картину лучше большинства людей. Он понимает, что человек может терпеть, но до определенного момента; что иногда бывает нужно бросить гаечный ключ в шестеренки мира, чтобы получить положенное ему Богом. Но Билли? В свои восемь лет он, наверное, не видал ничего, кроме Небраски. От него нельзя ожидать понимания всех сложностей современной жизни, того, что правильно, а что неправильно – всех тонкостей. И *не надо*, чтобы понимал. И Эммет, как старший брат, единственный опекун и защитник, обязан оберегать его от всех превратностей как можно дольше.

Я откинулся на спинку и кивнул – все понятно.

– Можешь не продолжать, Эммет. Я тебя услышал.

* * *

После ужина Эммет сказал, что идет к Рэнсомам – попросит соседа приехать и дернуть машину. До их дома была миля, я предложил пройтись с ним, но он счел, что Вулли и мне лучше не лезть на глаза. Я остался на кухне и болтал с Билли, а Вулли мыл тарелки.

Из того, что я рассказал вам о Вулли, вы могли бы заключить, что он не создан для мытья посуды, что глаза у него остекленеют, мысли унесутся прочь, и работа будет сделана тяп-ляп. Но Вулли мыл посуду так, как будто от этого зависела его жизнь. Опустив голову под углом в сорок пять градусов и высунув кончик языка, он водил губкой по тарелке неустанно и сосредоточенно, смывая пятнышки, которые были здесь годами, и те, которых вообще не было.

Это было удивительно. Но, как я уже сказал, – люблю неожиданности.

Когда я снова обратил взгляд на Билли, он разворачивал пакетик фольги, вынутый из вещмешка. Из фольги он осторожно извлек четыре печенья и разложил на столе – по одному перед каждым стулом.

– Так, так, так, – сказал я. – Что мы имеем?

– Печенье с шоколадной крошкой, – сказал Билли. – Салли испекла.

Пока мы молча жевали, я заметил, что Билли смущенно смотрит в стол, как будто хочет что-то спросить.

– О чем задумался, Билли?

– Все за одного, один за всех, – неуверенно сказал он. – Это из «Трех мушкетеров», да?

– Точно, *mon ami*.

Можно подумать, что установив источник цитаты, малый будет ужасно доволен собой, но вид у него был унылый. Подавленный. При том, что одно упоминание «Трех мушкетеров» обычно вызывает у мальчишек улыбку. Так что огорчение Билли меня озадачило. Но, собравшись уже откусить от печенья, я подумал о том, как они разместились на столе... все за одного, один за всех...

И положил свое.

– Билли, ты смотрел «Трех мушкетеров»?

– Нет, – с оттенком прежней унылости ответил он. – Но я читал.

– Тогда ты лучше других должен знать, насколько неправильным бывает заглавие.
Билли поднял голову.

– Почему, Дачес?

– Потому что на самом деле это рассказ о четырех мушкетерах. Да, начинается он с прекрасной дружбы Ортоса, Пафоса и Артемиса.

– Атоса, Портоса и Арамиса?

– Точно. Но *главная* история там про то, как молодой искатель приключений...

– Д'Артаньян.

– ...как Д'Артаньян сходится с этой удалой троицей. И спасает честь самой королевы.

– Правильно, – сказал Билли, выпрямившись на стуле. На самом деле, это рассказ о четырех мушкетерах.

Довольный проделанной работой, я сунул в рот остаток печенья и стряхнул крошки с пальцев. А Билли по-прежнему напряженно смотрел на меня.

– Чувствую, у тебя что-то на уме, юный Уильям.

Он подался вперед, насколько позволял стол, и заговорил вполголоса.

– Хочешь знать, что я сделал бы с пятьюдесятью тысячами?

Я тоже подался вперед и ответил тихо:

– Больше всего на свете.

– Я построил бы дом в Сан-Франциско, штат Калифорния. Белый дом, как этот, с маленькой верандой, кухней и гостиной. А наверху – три спальни. Только вместо сарая с трактором будет гараж для машины Эммета.

– Чудесно, Билли. Но почему Сан-Франциско?

– Потому что там мама живет.

Я откинулся на спинку.

– Не может быть.

В Салине, когда Эммет заговаривал о матери – а случалось это редко, – он всегда говорил в прошедшем времени. Но не было речи о том, что мать уехала в Калифорнию. Он выражался так, как будто она отбыла в мир иной.

– Мы уедем сразу, как только отвезем тебя и Вулли на автобусную станцию, – объяснил Билли.

– Вот так просто – соберете все вещи, и в Калифорнию?

– Нет, Дачес, не все вещи. Мы заберем, сколько вместится в вещевой мешок.

– А зачем вы так поступите?

– Потому что Эммет и профессор Абернэти считают, что лучше всего начинать жизнь с чистой страницы. Мы поедем в Сан-Франциско по шоссе Линкольна, а когда приедем, найдем маму и построим себе дом.

У меня не хватило духу сказать мальчонке, что если мать не захотела жить в белом домике в Небраске, то не захочет жить и в белом домике в Калифорнии. Но, если отвлечься от причуд материнства, я прикинул, что для его мечты денег хватит с лихвой.

– У тебя прекрасный план, Билли. В нем есть конкретность, какая и должна быть в почувствованном замысле. Но ты уверен, что мыслишь достаточно широко? С пятьюдесятью тысячами ты можешь замахнуться на большее. Можешь позволить себе бассейн и дворецкого. Гараж на четыре машины.

Билли с серьезным видом покачал головой.

– Нет. Не думаю, что нам нужны бассейн и дворецкий.

Я хотел ему мягко сказать, что не надо торопиться с решениями, что бассейн и дворецкий не так легко достаются, а уж если достались, то расставаться с ними ой как больно, – но тут вдруг у стола появился Вулли с тарелкой в одной руке и губкой в другой.

– Билли, никому не нужен бассейн и дворецкий.

Никогда не знаешь, что привлечет внимание Вулли. Это может быть птица, севшая на ветку. Или отпечаток подошвы в снегу. Или что-то кем-то сказанное вчера. Но если что-то завладело мыслями Вулли, то всегда стоит подождать. Он сел рядом с Билли, а я сразу пошел к раковине, выключил воду и вернулся на свое место, весь обратившись в слух.

– Никому не нужен гараж на четыре машины, – продолжал Вулли. – Но думаю, вам понадобятся несколько лишних спален.

– Почему, Вулли?

– Чтобы на праздники приезжали друзья и родственники.

Билли кивнул, одобряя здравый смысл сказанного, и Вулли стал выдвигать новые идеи, постепенно разогреваясь.

– Вам нужна будет веранда с крышей, чтобы сидеть в дождливые дни или лежать на крыше теплыми летними вечерами. А в доме должен быть кабинет и комната с камином, большим, чтобы вы могли собраться перед ним, когда идет снег. А еще тебе нужно будет секретное место под лестницей и специальное место в углу для рождественской елки.

Теперь его было не остановить. Он попросил карандаш и бумагу, придвинул свой стул к Билли и стал рисовать детальный план. Это был не какой-нибудь набросок на салфетке. Вулли рисовал поэтажные планы так же, как мыл тарелки. Комнаты в масштабе, стены параллельны, строго под прямыми углами. Любо-дорого смотреть.

Не говоря уже о преимуществах крытой веранды перед четырехместным гаражом, надо отдать должное фантазии Вулли. Дом, спроектированный им, был втрое больше того, который воображал сам Билли, и это, должно быть, произвело впечатление. Когда Вулли закончил чертеж, Билли попросил его нарисовать стрелку с направлением на север и большую красную звездочку там, где должна стоять рождественская елка. Когда Вулли нарисовал, Билли аккуратно сложил план и спрятал в вещмешок.

Вулли тоже был доволен. Но когда Билли застегнул ремешки и вернулся на свое место, Вулли как-то грустно улыбнулся ему.

– Хотел бы я знать, где моя мама, – сказал он.

– Почему так, Вулли?

– Чтобы поехать искать ее, как вы.

* * *

Когда посуда была вымыта и малыш повел Вулли наверх, показать, где душ, я походил по дому, огляделся.

Что отец Эммета разорился, мы знали. Но даже с первого взгляда было понятно, что виной тому не пьянство. Когда хозяин дома пьяница, это сразу видно. Видно по состоянию мебели и двора. По выражению на лицах детей. Но, если и был отец Эммета трезвенником, я подумал, что должна быть где-то припрятана бутылка – яблочной водки или мятной настойки – для особых случаев. В этих краях обычно так.

Я начал с кухонных шкафов. В первом были мелкие и глубокие тарелки. Во втором стаканы и кружки. В третьем я увидел обычный набор продуктов, но никакой бутылки, даже спрятанной за десятилетней давности горшком патоки.

В буфете тоже никакой заначки с самогоном. Но на нижней полке я увидел пыльные горки фарфоровой посуды. Не просто обеденной. Глубокие тарелки, салатные, десертные, покосившиеся горки кофейных чашек. Я посчитал, на двадцать персон, – и это в доме, где нет обеденного стола.

Вспомнил: Эммет, кажется, говорил, что родители выросли в Бостоне. Ну, если в Бостоне, то не иначе как в Бикон-Хилл. Такого сорта вещи дают в приданое невесте из аристо-

кратов, в расчете, что посуда будет переходить из поколения в поколение. Но она едва помещалась в шкафу и в вещевой мешок точно не поместится. Что заставило меня задуматься...

В гостиной бутылку спрятать было негде, только в старом бюро в углу. Я сел в кресло и поднял крышку. На столе обычные вещи – ножницы, нож для открывания писем, блокнот и карандаш – но ящики набиты всякой всячиной, совершенно неуместной тут, – старый будильник, половина карточной колоды, россыпь пяти- и десятицентовиков.

Я сгреб мелочь (не пропадать же добру) и, затаив дух, выдвинул нижний ящик – классическое место для записки. Но бутылке поместиться здесь было негде: ящик был доверху набит письмами.

Какими – с первого взгляда было ясно: неоплаченные счета. От газовой компании, электрической компании, телефонной компании и от всех других, у кого хватило глупости продлить Уотсону кредит. На самом дне – первые извещения, потом напоминания, а на самом верху отказы в обслуживании и угрозы судом. Некоторые конверты даже не были вскрыты.

Я улыбнулся про себя.

Было что-то трогательное в том, что мистер Уотсон держал эту коллекцию бумаг в нижнем ящике, в полушаге от мусорной корзины. Предать их вечности было бы не труднее, чем хранить. Может быть, он просто не мог признаться себе, что никогда не заплатит.

Мой папаша утруждаться не желал. У него неоплаченный счет отправлялся в мусор без задержки. У него была такая аллергия на саму бумагу со счетами, что он избегал даже быть настигнутым ими. Вот почему несравненный Гаррисон Хьюитт, изрядный педант в отношении английского языка, случалось, писал свой адрес с ошибками.

Но вести войну с почтовым ведомством США – дело непростое. В его распоряжении целый парк грузовиков и армия пехотинцев, чья единственная цель в жизни – сделать так, чтобы конверт с твоей фамилией очутился в твоих лапках. Вот почему Хьюитты, случалось, прибывали через вестибюль, а убывали по пожарной лестнице, обычно в пять часов утра.

«Ах, – говорил мой папа, задержавшись на площадке между четвертым и третьим этажами и показывая на восток. – Розовоперстая заря! Считаю себя счастливецом, что можешь ее лицезреть, мой мальчик. Иные короли в глаза ее не видели!»

За окном послышался шум – пикап мистера Рэнсома свернул на дорожку. Свет фар обмел комнату справа налево, машина миновала дом и направилась к сараю. Я задвинул нижний ящик бюро; пусть извещения пребывают в целости и сохранности до Страшного суда.

Наверху я заглянул в комнату Билли. На кровати растянулся Вулли. Он тихо напевал и глядел на самолеты под потолком. Наверное, думал об отце в кабине истребителя на высоте десяти тысяч футов. Вот где он навсегда останется для Вулли: где-то между взлетной палубой авианосца и дном Южно-Китайского моря.

Билли я нашел в отцовской комнате; он сидел по-турецки на покрывале рядом с вещмешком и с большой красной книгой на коленях.

– Привет, ковбой. Что читаешь?

– «Компендиум героев, авантюристов и других неустрашимых путешественников» профессора Абакуса Абернэти.

Я присвистнул.

– Звучит внушительно. Интересная?

– Я прочел ее двадцать четыре раза.

– Тогда «интересная», пожалуй, слабое слово.

Я прошелся по комнате из угла в угол; Билли перевернул страницу. На бюро стояли две фотографии в рамках. На одной стоял муж и сидела жена в нарядах начала века. Конечно, Уотсоны, еще бостонские. На другой – Эммет и Билли несколько лет назад. Они сидели на той же веранде, где сегодня сидел Эммет с соседом. Фотографии матери Эммета и Билли не было.

– Слушай, Билли, – сказал я, вернув снимок братьев на бюро. – Можно задать тебе вопрос?

– Да, Дачес.

– Когда твоя мама уехала в Калифорнию?

– Пятого июля тысяча девятьсот сорок шестого года.

– Довольно точное сведение. Так вот, взяла и уехала? И никаких от нее вестей?

– Нет, – Билли перевернул страницу. – Вести были. Она прислала нам девять открыток.

Поэтому мы и знаем, что она в Сан-Франциско.

Впервые с тех пор, как я вошел в комнату, он оторвался от книги.

– Дачес, а можно тебе задать вопрос?

– Любезность за любезность, Билли.

– Почему тебя так прозвали?

– Потому что я родился в округе Датчес.

– Где этот округ?

– В пятидесяти милях к северу от Нью-Йорка.

Билли выпрямился.

– От города Нью-Йорка?

– От него.

– А ты когда-нибудь был в городе Нью-Йорке?

– Я побывал в сотне городов, Билли. Но в городе Нью-Йорке я бывал чаще, чем где-либо.

– Там профессор Абернэти живет. Вот, смотри.

Он перевернул несколько первых страниц и протянул книгу.

– Билли, у меня от мелкого шрифта голова болит. Сделай одолжение?

Он опустил глаза и стал читать, водя пальцем.

«Дорогой читатель, я пишу тебе в моем скромном кабинете на пятьдесят пятом этаже Эмпайр-стейт-билдинга на углу Тридцать четвертой улицы и Пятой авеню на острове Манхэттен в городе Нью-Йорке на северо-восточном краю нашей большой страны – Соединенных штатов Америки».

Билли посмотрел на меня выжидательно. Я ответил вопросительным взглядом.

– Ты когда-нибудь встречался с профессором Абернэти? – спросил он.

Я улыбнулся.

– Я встречался с сотнями людей в нашей большой стране, со многими на острове Манхэттен, но, сколько помню, не имел удовольствия видеть твоего профессора.

– А, – сказал Билли.

Он помолчал, потом наморщил лоб.

– Еще вопросы? – сказал я.

– Почему ты побывал в сотне городов?

– Мой отец был служителем Мельпомены. Постоянным нашим местом был Нью-Йорк, но большую часть года мы ездили из города в город. Эту неделю в Баффало, следующую – в Питтсбурге. Потом Кливленд или Канзас-Сити. Я даже в Небраске был какое-то время, веришь или нет. Примерно в твоём возрасте – жил какое-то время на окраине городка под названием Льюис.

– Я знаю Льюис, – сказал Билли. – Он на шоссе Линкольна. Между нами и Омахой.

– Серьезно?

Билли отложил книгу и взялся за свой мешок.

– У меня карта. Хочешь посмотреть?

– Верю тебе на слово.

Билли отпустил вещмешок. И снова наморщил лоб.

– Если вы ездили из города в город, как же ты ходил в школу?

– Не все, что стоит знать, собрано под обложками учебников, мой мальчик. Скажем так: моей академией была улица, моим учебником – жизненный опыт, моим наставником – переменчивый перст судьбы.

Билли задумался на минуту, видимо, решая, надо ли принять этот принцип как догмат веры. Потом, дважды кивнув про себя, с недоумением поднял голову.

– Дачес, можно еще вопрос?

– Валяй.

– Кто такой служитель Мельпомены?

Я рассмеялся.

– Это человек театра, Билли. Актер.

Вытянув руку и уставившись вдаль, я продекламировал:

Что б умереть ей хоть на сутки позже!
Не до печальной вести мне сегодня.
Так – в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, —
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной...¹

Скажу без ложной скромности: подача была неплохая. Поза, конечно, несколько старомодная, но в «завтра, завтра» я вложил тяжкую усталость, а в «пыльную могилу» – зловещий жар.

Билли обратил на меня свой фирменный изумленный взгляд.

– Уильям Шекспир, из шотландской пьесы, – сказал я. – Акт пятый, сцена пятая.

– Твой отец был шекспировским актером?

– Очень шекспировским.

– Знаменитым?

– Ну, его знали по имени в каждом салуне от Петалумы до Покипси.

На Билли это произвело впечатление. Но потом он снова наморщил лоб.

– Я немножко знаю про Уильяма Шекспира, – сказал он. – Профессор Абернэти называет его величайшим первопроходцем, никогда не выходившим в море. Но о шотландской пьесе он не говорит.

– Неудивительно. Видишь ли, шотландской пьесой театральные люди называют «Макбета». Сколько-то веков назад решили, что пьеса проклята, и назвать ее вслух значит навлечь несчастья на головы тех, кто осмелится ее исполнять.

– А какие несчастья?

– Самые худшие. На самой первой постановке, еще в семнадцатом веке, молодой актер, игравший леди Макбет, умер прямо перед выходом на сцену. Лет сто назад двумя самыми знаменитыми шекспировскими актерами были американец Форрест и британец Макриди. Понятно, американская публика была верна талантам мистера Форреста. Поэтому когда в роли Макбета в театре «Астор-Палас» на острове Манхэттен выступил Макриди, десять тысяч человек устроили бунт, и было много убитых.

Нечего и говорить, Билли был потрясен.

– А почему пьеса проклята?

– Почему проклята! Ты когда-нибудь слышал историю о Макбете? Злодее, гламисском тане? Как? Нет? Тогда подвинься, мой мальчик, и я посвящу тебя в братство знатоков.

¹ У. Шекспир «Макбет», акт V, сцена 5 (перевод Ю. Корнеева).

Компендиум профессора Абернэти был отложен в сторону. Билли залез под одеяло, я выключил свет – как сделал бы мой отец, приступая к мрачной зловещей истории.

Начал я, натурально, с трех ведьм на пустоши и «пламя, прядай, клокочи». Я рассказывал малышу, как Макбет, подстрекаемый честолюбивой супругой, почтил приехавшего короля кинжалом в сердце; и как этот бездушный акт убийства повлек за собой другое, а то – еще одно. Я рассказал ему, как Макбета стали мучить жуткие видения, и его жена стала бродить во сне по залам Кавдора и вытирать призрачную кровь с рук. О, я натянул решимость, как струну, не сомневайтесь!

И когда Бирнамский лес пошел на Дунсинан, и Макдуф, не женщиной рожденный, сразил на поле боя убийцу короля, я поправил на мальчишке одеяло и пожелал ему приятных снов. И уже в коридоре, отвесив легкий поклон, увидел, что малыш вылез из постели, чтобы снова включить свет.

* * *

Я присел на кровать Эммета и был поражен тем, насколько пуста комната. Только щербина в штукатурке в том месте, где прежде был вбит гвоздь – и ни картинки на стене, ни плакатов, ни вымпела. Не было ни приемника, ни проигрывателя. Штанга для занавесок над окном, но и занавески нет. Еще бы крест на стене – и готова монашеская келья.

Предполагаю, он мог очистить ее перед отъездом в Салину. Расстаться со всем детским, что там было, кинуть в мусор свои комиксы и карточки с портретами бейсболистов. Может быть. Но что-то подсказывало мне, что это комната человека, приготовившегося уйти из дома, надолго, надолго, с одним вещмешком за плечами.

Свет фар мистера Рэнсома снова обмел стену, теперь слева направо – пикап проехал мимо дома на дорогу. Хлопнула сетчатая дверь, я услышал, как Эммет погасил свет в кухне, а потом в гостиной. Когда он поднялся вверх, я ждал в коридоре.

– Заработала? – спросил я.

– Слава богу.

Он явно испытывал облегчение, но вид был немного усталый.

– Мне страшно неловко – выжил тебя из твоей комнаты. Ты ложись в свою постель, а я посплю внизу на кушетке. Пусть коротковата, но лучше наших матрасов в Салине.

Говоря это, я не надеялся, что Эммет примет мое предложение. Не такой он человек. Но видно было, что ему приятен этот жест. Он улыбнулся и даже положил руку мне на плечо.

– Дачес, все нормально. Ложись там, а я лягу с Билли. Думаю, нам не мешает отоспаться.

Эммет пошел дальше, но через несколько шагов обернулся.

– Вам с Вулли надо переодеться. Он себе что-нибудь подберет в шкафу отца. Они примерно одинакового размера. Вещи для себя и для Билли я уже упаковал, а ты возьми что хочешь из моего шкафа. Там еще пара школьных сумок, можете воспользоваться.

– Спасибо, Эммет.

Он пошел дальше, а я вернулся в его комнату. Слышно было за дверью, как он умывается, а потом идет к брату в комнату.

Я лежал и смотрел в потолок. Самолетиков надо мной не было. Только трещина в штукатурке, вяло огибавшая потолочную лампу. Но в конце долгого дня этой трещины достаточно, чтобы запустить твои мысли неведомо куда. И то, как огибала эта трещина лампу, вдруг напомнило мне излучину реки Платт около Омахи.

Ах, Омаха, я помню тебя хорошо.

Это было в августе сорок четвертого, через полгода после моего восьмого дня рождения.

Тем летом отец участвовал в разъездной труппе, якобы для сбора средств на войну. Шоу называлось «Звезды варьете», но с таким же успехом могло называться «Кавалькадой

бывших». Начиная его жонглер-наркоман, которого пробирали трясучка ко второй половине номера, за ним выходил восьмидесятилетний комик, забывавший, какие анекдоты он уже успел рассказать. Отец выступал с попури из знаменитых шекспировских монологов – как он именывал его, «Двадцать две минуты мудрости на всю жизнь». В бороде большевика, с кинжалом за поясом, он медленно поднимал голову и взглядом искал на правом балконе первого яруса царство высших идей. И начинал: «Но что за свет мелькает в том окне?..», «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом...», «Как знать, что нужно? Самый жалкий нищий в своей нужде излишком обладает...»

От Ромео к Генриху, к Лиру. Тонко скроенная последовательность от романтического юноши к созревающему герою, к бестолковому старику.

Насколько помню, турне началось с театра «Маджестик» в славном городе Трентон, Нью-Джерси. Оттуда мы направились на запад, вглубь страны, к огням больших городов, от Питтсбурга до Пеории.

Последней остановкой были недельные гастроли в театре «Одеон» в Омахе. Затесавшееся между вокзалом и кварталом красных фонарей импозантное здание в стиле ар-деко не сообразило стать кинотеатром, когда еще была возможность. В поездках мы чаще всего останавливались вместе с остальными артистами в гостиницах, предназначенных для людей нашего сорта – разных беглецов и торговцев Библией. Но в финальной точке турне – дальше приглашений не было, – отец заселялся в самый роскошный отель города. С тростью Уинстона Черчилля он подходил к столу портье и голосом Джона Барримора просил проводить в номер. Выяснялось, что отель заселен полностью, а номер для него не был забронирован. С негодованием, подобающим человеку его статуса, он восклицал: «Что такое? Не забронирован? Да ведь сам Лайонел Пендергаст, генеральный менеджер «Уолдорф Астории» (мой близкий друг), заверил меня, что в Омахе нет лучшего места для ночлега, и лично звонил в вашу контору, чтобы забронировать для меня номер!» В итоге дирекция признавалась, что президентский апартамент свободен, и папаша снисходил, заметив, что он человек простых привычек, но президентский апартамент вполне его устроит, и благодарю.

Расположившись, этот человек простых привычек всю пользовался предоставлявшимися благами. Вся одежда, до последнего шва, отправлялась в прачечную. Приглашались в номер маникюрши и массажисты. Посыльные отправлялись за цветами. В нижнем баре в шесть часов всех угощали напитками.

Тогда, в воскресенье, в августе, наутро после финального выступления отец предложил выехать на природу. Его ангажировали на несколько выступлений в денверском «Палладиуме», и он захотел отпраздновать это пикником на берегу извилистой реки.

Когда мы спускались с багажом по черной лестнице, отец подумал, что стоит дополнить наше празднование представительницей прекрасного пола. Например, мисс Мейплз, приятнейшей молодой дамой, которую Мефисто, косоглазый фокусник, ежевечерне распиливал пополам во втором отделении. И кого же мы встретили в переулке, с чемоданом в руке, как не эту спелую блондинку, о которой только что шла речь.

– Ура! – сказал отец.

Каким же восхитительным оказался день!

Мисс Мейплз устроилась на переднем сиденье, я сзади на открытом, и мы поехали в большой городской парк на берегу реки Платт, где трава была пышная, деревья высокие, и вода блестела под солнцем. Накануне вечером отец заказал пикник: жареного цыпленка, холодную кукурузу в початках. Он даже стянул скатерть прямо из-под нашего завтрака (попробуй-ка так, Мефисто!).

Мисс Мейплз, которой было не больше двадцати пяти, наслаждалась обществом моего папаша. Смеялась всем его шуткам и душевно благодарила всякий раз, когда он наливал ей вина. И даже краснела от комплиментов, позаимствованных у Барда.

Она привезла портативный проигрыватель, и мне было поручено менять пластинки и наставлять иголку, а они шатко танцевали на траве.

Было отмечено, что полный желудок притупляет ум. Наблюдение в высшей степени справедливое. Потому что, когда мы побросали бутылки в реку, убрали проигрыватель в багажник и тронулись, и отец сказал, что нам надо на минуту заехать в ближний городок, у меня это не вызвало вопросов. И когда мы подъехали к каменному зданию на холме, и отец попросил меня подождать с молодой монахиней в одной комнате, пока он разговаривает с монахиней постарше в другой, я опять не увидел в этом ничего странного. И только выглянув случайно в окно и увидев, как папа стремительно отъезжает от дома, а голова мисс Мейплз у него на плече, я понял, что меня кинули.

Девять

Эммет

Когда Эммет проснулся, пахло жареным беконом. Он не мог вспомнить, когда последний раз просыпался от этого запаха. Уже больше года его будила в шесть пятнадцать жалоба горна и возня сорока ребят. В любую погоду им давалось сорок пять минут на душ, одевание, уборку постелей, завтрак – и в строй. Проснуться на нормальном матрасе, на чистых простынях и в запахе бекона – это было так непривычно, так неожиданно, что Эммет не сразу понял, откуда взялся бекон и кто его жарит.

Он повернулся набок и увидел, что Билли нет, а часы на тумбочке показывают девять сорок пять. Ругаясь вполголоса, он вылез из постели и оделся. Он надеялся въехать в город и выехать до того, как люди выйдут из церкви.

В кухне друг против друга сидели Билли и Дачес, а у плиты стояла Салли. Перед ребятами были тарелки с яичницей и беконом, а на середине стола – корзинка с печеньем и банка клубничного варенья.

– Какое угощение тебя ждет! – сказал Дачес, увидев Эммета.

Эммет подвинул стул и посмотрел на Салли. Она подняла кофейник.

– Салли, тебе не обязательно было для нас готовить.

Вместо ответа она поставила перед ним кружку.

– Вот тебе кофе. Яичница будет готова через минуту.

Она повернулась и пошла к плите.

Дачес еще раз откусил от печенья и покачал головой.

– Я объездил всю Америку, Салли, а такого печенья еще не пробовал. В чем твой секрет?

– Нет в нем никакого секрета.

– Если нет, то должен быть. И Билли сказал мне, что ты сделала желе.

– Это не желе, а варенье. А варю его всегда в июле.

– Варит целый день, – сказал Билли. – Ты бы видел ее кухню. На всех столах корзинки с ягодами и пять фунтов сахара, и варится в четырех кастрюлях.

Дачес присвистнул и опять покачал головой.

– Это, может быть, и старомодное занятие, но с того места, где я сижу, кажется, что оно стоит усилий!

Салли отвернулась от плиты и поблагодарила его с некоторой церемонностью. Потом посмотрела на Эммета.

– Ты готов уже?

И, не дожидаясь ответа, поднесла еду.

– Нет, правда, напрасно ты утруждалась, – сказал Эммет. – С завтраком мы бы справились, и в шкафу много джема.

– Учту на будущее, – сказала Салли и поставила тарелку.

Потом отошла к раковине и принялась отмывать сковороду.

Эммет смотрел ей в спину. Билли спросил его:

– Ты когда-нибудь был в «Империаде»?

Эммет повернулся к брату.

– А это что? «Империад»?

– Кинотеатр в Салине.

Эммет, наморщив лоб, посмотрел на Дачеса, и тот сразу внес ясность.

– Билли, твой брат не бывал в «Империаде». Я бывал, и другие ребята.

Билли кивнул, но продолжал о чем-то думать.

– Вам надо было просить разрешения на кино?

– Тебе не так разрешение требовалось, как... инициатива.

– А как же вы уходили?

– О! Разумный вопрос в тех обстоятельствах. Салина не совсем тюрьма. Вышек с часовыми и прожекторов там нет. Это скорее как учебный лагерь в армии – бараки среди полей, столовая и мужики постарше, в форме, которые орут на тебя, когда идешь слишком быстро, если не орут, что идешь слишком медленно. У этих, в форме – сержантов, так сказать, – свои казармы с бильярдом, радио и холодильником, полным пива. И в субботу, когда гасят свет, а они пьют и гоняют шары, ты с ребятами вылезаете из окна в душевой и дуеешь в город.

– Это далеко?

– Не очень. Если рысью по картофельному полю, через двадцать минут ты у реки. Река чаще всего мелкая, по колено, переходишь вброд, в трусах, и попадаешь в город к десятичасовому сеансу. Можешь взять пакет попкорна и бутылку сидра и смотришь фильм с балкона, а к часу ночи ты уже на койке, и никто ничего не знает.

– Никто ничего? – с оттенком восхищения повторил Билли. – А как ты платишь за кино?

– Может, сменим тему? – предложил Эммет.

– Конечно! – сказал Дачес.

Салли, вытиравшая сковороду, со стуком поставила ее на плиту.

– Пойду застелю кровати, – сказала она.

– Тебе не обязательно стелить, – сказал Эммет.

– Сами не застелются.

Салли вышла из кухни, и слышно было, как она поднимается по лестнице.

Дачес посмотрел на Билли и поднял брови.

– Прощу извинить, – сказал Эммет, встав из-за стола.

Пока он поднимался по лестнице, слышно было, что брат и Дачес завели разговор о графе Монте-Кристо и его чудесном побеге из тюрьмы на острове – обещанная смена темы.

Когда Эммет вошел в отцовскую комнату, Салли быстрыми четкими движениями застилала постель.

– Ты не предупредил, что будешь с приятелями, – сказала она, не поднимая головы.

– Я сам не знал, что буду с ними.

Салли быстро взбила подушки и положила к изголовью.

– Извини, – сказала она, протиснувшись мимо Эммета в дверь, и направилась в его комнату.

Эммет вошел за ней следом – она смотрела на кровать, уже застеленную Дачесом. Он даже слегка удивился такой аккуратности, но Салли – нет. Она стянула покрывало и простыню и с той же ловкостью постелила заново. Когда она занялась подушками, Эммет взглянул на часы на тумбочке. Было почти четверть одиннадцатого. Рассиживаться некогда.

– Салли, если ты хочешь что-то сказать...

Салли остановилась и посмотрела ему в глаза – впервые за утро.

– А что мне сказать?

– Правда, не знаю.

– Вот это правильно.

Она расправила подол и шагнула к двери, но он стоял у нее на пути.

– Прости, не поблагодарил тебя в кухне. Я просто хотел сказать...

– Знаю, что ты хотел сказать. Потому что сказал. Что мне не надо было пропускать утреннюю службу в церкви, готовить вам завтрак. И обед вчера вечером готовить. Это очень трогательно, но к твоему сведению, сказать, что ты напрасно хлопотала, – не то же самое, что

выразить благодарность. Совсем не то же самое. И неважно, сколько магазинного джема у тебя в шкафу.

– Так вот в чем дело? В этом джеме? Салли, я совсем не хотел принизить твоё варенье. Конечно, оно лучше этого джема в шкафу. Но я знаю, какого труда тебе это стоило, чтобы потом скормить нам целую банку. Понимаю, был бы праздник какой-нибудь.

– Если тебе интересно знать, Эммет Уилсон, я радуюсь, когда мою стряпню кушают мои друзья и родные, пусть и не в праздник. Но может быть – может быть, – я подумала, что ты и Билли напоследок полакомитесь моей стряпней перед тем, как отправитесь в Калифорнию, не сказав мне ни слова.

Эммет закрыл глаза.

– Подумать, так мне повезло еще, – продолжала она, – что твоему другу Дачесу хватило ума рассказать о твоих планах. Иначе пришла бы завтра утром с колбасой и жарить оладьи, а есть их некому.

– Прости, что не собрался сказать тебе. Не потому, что скрывал. Я говорил об этом вчера твоему отцу. Он сам поднял эту тему – сказал, что, наверное, лучше всего нам с Билли сняться с места и где-нибудь начать жизнь заново.

Салли посмотрела на Эммета.

– Отец мне сказал. Что вам надо уехать и начать все заново.

– Коротко и ясно.

– Да, замечательный же план.

Салли прошла мимо Эммета и направилась в комнату Билли. Там лежал Вулли и дул в потолок, пытаясь привести в движение самолетики.

Салли подбоченилась.

– А ты кто такой, интересно?

Вулли посмотрел на нее изумленно.

– Я Вулли.

– Ты католик, Вулли?

– Нет, я в епископальной церкви.

– Тогда что ты делаешь в постели?

– Не знаю, – признался Вулли.

– Одиннадцатый час утра, и у меня куча дел. Так что на счет пять я застилаю постель, с тобой или без тебя.

Вулли выскочил из-под одеяла в трусах и с изумлением наблюдал, как Салли заправляет постель. Он почесал макушку и увидел в двери Эммета.

– Привет, Эммет.

– Привет, Вулли.

Вулли, прищурясь, посмотрел на Эммета, и вдруг лицо его осветилось.

– Там бекон?

– Ха! – сказала Салли.

А Эммет спустился по лестнице и вышел во двор.

* * *

Радуюсь, что он наконец один, Эммет сел за руль «студебекера».

С тех пор, как выехал из Салины, он ни минуты не был наедине с собой. Сначала он ехал с директором, потом сидел в кухне с мистером Обермейером, потом на веранде с мистером Рэнсомом, потом Дачес и Вулли, а теперь – Салли. Сейчас ему одного хотелось, одно было нужно: привести в порядок мысли. Куда бы они с Билли ни решили отправиться – в Техас,

в Калифорнию или еще куда, в голове должна быть ясность. Но, повернув на шоссе 14, он поймал себя на том, что думает вовсе не о будущем их маршруте, а о своем разговоре с Салли.

«Правда, не знаю».

Так он ответил ей, когда она спросила, о чем, ему кажется, она думает. И, строго говоря, он не знал.

Но угадать было бы не трудно.

Он вполне понимал, чего может ожидать Салли. Когда-то он, может быть, и дал повод для ожиданий. Так бывает с молодыми: раздувать пламя взаимных ожиданий, пока ход жизни не выявит их. Но Эммет, с тех пор как отправился в Салину, не давал ей повода чего-то особенного ожидать. Когда от нее приходили посылки – с домашним печеньем и городскими новостями, – он не отвечал ни словом благодарности. Ни по телефону, ни запиской. И перед возвращением домой не предупредил о скором приезде, не попросил прибраться в доме. Подмести, или застелить кровати, или оставить кусок мыла в ванной, или яйца в холодильнике. Ни о чем не попросил.

Почувствовал ли благодарность, увидев, что все это она сделала сама ради него и Билли? Конечно. Но быть благодарным – это одно, а быть обязанным – совсем другое.

Он подъезжал к пересечению с Седьмым шоссе. Если свернуть там направо и вернуться окольным путем по дороге 22D, то можно въехать в город, минуя ярмарочную площадь. Но какой смысл? Площадь все равно будет там, минует он ее или не минует. Уедет он в Техас или в Калифорнию, или еще куда, она все равно там будет.

Нет, объезд ничего не изменит. Может быть, вообразишь на минуту, что случившееся не случилось. Поэтому Эммет не только проехал поворот, но и сбавил скорость до двадцати миль в час перед ярмарочной площадью, а потом остановился на левой обочине, где ничего иного не оставалось, как на эту площадь сосредоточенно поглядеть.

Пятьдесят одну неделю в году площадь выглядела точно так, как сейчас – четыре пустынных акра под сеном, набросанным, чтобы прибить пыль. Но в первую неделю октября она пустой не будет. Тут будет музыка, народ и огни. Будет карусель, будет игрушечный автодром, будут раскрашенные будки тиров, где сможешь испытать свою меткость. Будет большой полосатый тент, и под ним с надлежащей торжественностью будут совещаться судьи и присуждать голубую ленту за самую большую тыкву и самый вкусный лимонный торт со взбитым кремом. И будет загон с трибунами, где будут тянуть трактор и накидывать лассо на телят и тоже присуждать голубые ленты. А дальше в глубине, за продовольственными ларьками, под яркими лампами – состязание скрипачей.

И надо же, чтобы Джимми Снайдер выбрал место и время для драки рядом с продавцом сахарной ваты в последний день ярмарки.

Когда Джимми бросил первую фразу, Эммет подумал, что тот говорит с кем-то другим – он был почти не знаком с Джимми. Эммет был на год младше, общих уроков у них не было, в командах с Джимми он не играл, соприкасаться им было негде.

Но Джимми Снайдеру знакомства и не требовалось. Он любил наехать на человека, знакомого, незнакомого – все равно. И неважно, за что. Может быть, за то, как ты одет, за то, что ты сейчас ешь, за то, как твоя сестра перешла улицу. Да за что угодно, лишь бы достать тебя.

В стилистическом отношении Джимми оформлял свои наезды в виде вопросов. С невинным лицом он задавал первый вопрос, не обращаясь ни к кому конкретно. И если в большое место не попадал, на первый вопрос отвечал сам и задавал другой, залезая поглубже.

«Смотри, до чего трогательно», – сказал он, увидев, что Эммет держит Билли за руку. – Нет, вы видали что-нибудь трогательнее?»

Тут Эммет понял, что речь о нем, но решил не обращать внимания. Ну, держит он маленького брата за руку посреди ярмарки. А кто не держал бы шестилетнего мальчика посреди толпы в восемь часов вечера?

И Джимми попробовал другой заход. Сменив, так сказать, передачу, он удивился вслух, почему это отец Эммета не участвовал в войне – потому ли, что принадлежал к категории 3-С, дававшей отсрочку фермерам? Насмешка показалась Эммету странной, учитывая, сколько мужчин в Небраске освобождалось от службы по этой статье. Такой странной, что он даже остановился и обернулся – и это была первая его ошибка.

Теперь Джимми завладел его вниманием и ответил на вопрос сам.

«Нет, – сказал он. – Чарли Уотсон не получил бы 3-С. Потому что не сумел бы и траву выращивать в райском саду. Наверное, у него была статья 4-F».

Тут Джимми покрутил пальцем у виска, показывая, что у Чарли Уотсона голова не в порядке.

Дразнилки были почти детские, но Эммет невольно стиснул зубы. Его уже бросило в жар. Но он еще чувствовал, что Билли тянет его за руку – то ли потому, что хотел скорее на конкурс скрипачей, сейчас начинавшийся, то ли в свои шесть лет уже понимал, что ничего хорошего не выйдет из разговоров с такими, как Джимми Снайдер. Но оттащить брата Билли не успел: Джимми шуточку продолжил.

«Нет, – сказал Джимми, – не мог он по 4-F. Слишком глуп для сумасшедшего. Я думаю, не воевал потому, что он 4-E. Как там? Отказавшийся по морально-религиозным...»

Джимми не успел сказать «убеждениям». Эммет ударил его. Ударил, даже не отпустив руку брата, – без замаха, прямым – и сломал Джимми нос.

Но умер Джимми, конечно, не из-за сломанного носа. Он упал. Он так привык язвить безнаказанно, что не ожидал удара. Он попятился, взмахнув руками. Зацепился каблуком за скрученные провода, упал навзничь и ударился затылком о шлакоблок, державший оттяжку шатра.

Согласно медицинской экспертизе, Джимми ударился об угол шлакоблока с такой силой, что в затылке образовалась треугольная вмятина глубиной в дюйм. Он впал в кому, дышать продолжал, но силы у него постепенно уходили. Через шестьдесят два дня жизнь из него ушла окончательно, и семья продолжала уже бесцельное дежурство у его койки.

Как сказал директор колонии: «Подлая игра случая».

Известие о смерти Джимми принес семье шериф Питерсен. До сих пор он не торопился выдвинуть обвинение – ждал, что будет с Джимми. А Эммет, между тем, хранил молчание, не видя смысла в том, чтобы излагать свою версию событий, пока Джимми борется за жизнь.

Но приятели Джимми не молчали. Они говорили о столкновении часто и подробно. Они говорили об этом в школе, у стойки с газированной водой, в доме у Снайдеров. Рассказывали, как вчетвером шли к тележке с сахарной ватой, и Джимми случайно столкнулся с Эмметом и даже не успел извиниться: Эммет сразу ударил его по лицу.

Мистер Стритер, адвокат Эммета, уговаривал его выступить в суде и изложить свою версию событий. Но чья бы версия ни возобладала, Джимми Снайдера было не воскресить. И Эммет сказал мистеру Стритеру, что не хочет судиться. И первого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года Эммет, полностью признав вину, был приговорен судьей Скомером к восемнадцати месяцам в специальной исправительной колонии для несовершеннолетних на ферме в Салине, штат Канзас.

Через десять недель эта ярмарочная площадь заполнится людьми, думал Эммет. Поставят шатер, сколотят сцену, и люди снова соберутся посмотреть на состязания, поесть, послушать музыку. Эммет включил скорость; его немного утешало то, что к началу ярмарки они с Билли будут за тысячу миль отсюда.

* * *

Он остановил машину на лужайке сбоку от суда. В воскресенье открыто было мало магазинов. Он заехал к Гандерсону и в магазин стандартных цен и истратил двадцать долларов из отцовского конверта на всякую всячину для дороги на запад. Положив пакеты в машину, он пошел по Джефферсон-стрит к библиотеке.

В главном зале за V-образным столом сидела немолодая библиотекаряша. Эммет спросил, где найти ежегодники и энциклопедии; она отвела его в справочный отдел и показала на полки. Эммет чувствовал, что она присматривается к нему, пытается припомнить лицо. Эммет не бывал в библиотеке с детства, но она могла узнать его по разным причинам – потому хотя бы, что фотография его не раз появлялась на первой полосе местной газеты. Первый раз – школьный снимок рядом с фотографией Джимми. Потом Эммета Уотсона сопровождают в полицию для предъявления обвинения. Потом Эммет Уотсон спускается по лестнице суда после слушания. Продавщица у Гандерсона присматривалась к нему точно так же.

– Помочь вам найти что-то конкретное? – спросила библиотекаряша.

– Нет, мэм. Я найду.

Библиотекаряша вернулась на свое место, а Эммет снял нужные тома, положил на стол и сел.

Большую часть пятьдесят второго года отец Эммета боролся то с одной болезнью, то с другой. Весной пятьдесят третьего он никак не мог отделаться от гриппа, и доктор Уинслоу направил его в Омаху для анализов. Через несколько месяцев отец написал Эммету в Салину, что он «снова на ногах» и «почти оклемался». Тем не менее он согласился еще раз съездить в Омаху, сделать какие-то новые анализы «по ихнему докторскому обыкновению».

Эммета не обманули ни шпилька в адрес медиков, ни нарочито простонародные заверения отца. К ним отец всегда прибегал, сколько себя помнил Эммет. Утешал, что сев хорошо прошел, что урожай зреет хороший, утешал объяснениями, почему мать вдруг делась неизвестно куда. И Эммет был достаточно взрослым, чтобы понять: путь к выздоровлению редко вымощен повторными визитами к специалистам.

Всякие сомнения в прогнозе касательно мистера Уотсона отпали августовским утром, когда он встал из-за завтрака и на глазах у Билли упал без сознания. За этим последовала третья поездка в Омаху, уже в санитарной машине.

Тем вечером Эммета позвали в кабинет директора колонии – звонил доктор Уинслоу. И план у Эммета начал оформляться. Вообще-то план уже не первый месяц жил где-то в подсознании, но теперь обозначился – в разных вариантах по времени и масштабу, но всегда за пределами Небраски. Осенью состояние отца все ухудшалось, а план постепенно обретал четкость. В апреле отец умер, и все стало ясно – как будто жизненные силы его перелились в жизненный план Эммета.

План был простой.

Как только Эммета отпустят из Салины, они с Билли соберут вещи и отправятся к большому городу – куда-нибудь, где нет силосных башен, комбайнов и ярмарочной площади, – и там на деньги, оставленные отцом, купят дом.

Дом не роскошный: три или четыре спальни, одна или две ванны. Хоть в колониальном стиле, хоть в викторианском, пусть каркасный, пусть под гонтом. Важно – чтоб запущенный.

Потому что купят его не для того, чтобы обставлять мебелью, приобретать посуду, увешивать картинами, тем более заполнять памятными вещами. Они купят дом, чтобы отремонтировать его и продать. А чтобы свести концы с концами, Эммет наймется к местному строителю. И вечерами, пока Билли делает уроки, Эммет будет приводить дом в порядок, постепенно, шаг за шагом. Начнет с крыши, если требуется, и окон, чтобы защититься от непогоды. Потом зай-

мется стенами, дверями и полом. Потом багетом, перилами, шкафами. Когда приведет дом в порядок, когда окна будут открываться и закрываться, лестница не будет скрипеть и в каждом уголке чистота, – тогда и только тогда они дом продадут.

Если сделать все как надо – купить правильный дом в правильном районе, не пожалеть трудов, то, рассчитывал Эммет, первой же продажей он удвоит свой капитал – потратит его на покупку уже двух запущенных домов и повторит все снова. Только на этот раз, отремонтировав два дома, один он продаст, а другой сдаст внаем. Если не расслабляться, полагал Эммет, то через несколько лет он накопит достаточно, чтобы уйти с работы и нанять одного или двух подручных. Тогда он будет ремонтировать четыре дома и собирать арендную плату с восьми. Но никогда, ни при каких обстоятельствах не возьмет он в долг ни цента.

Помимо усердной работы, рассудил Эммет, есть еще одно необходимое условие для успеха – крупный конгломерат, который будет еще расти. С этой мыслью он отправился в маленькую библиотеку Салины и, раскрыв в восемнадцатом томе «Британской энциклопедии» таблицу, переписал следующее:

Население Техаса

1920	4 700 000
------	-----------

1930	5 800 000
------	-----------

1940	6 400 000
------	-----------

1950	7 800 000
------	-----------

1960	9 600 000
------	-----------

(прогноз)

Когда Эммет открыл статью о Техасе, он не потрудился прочесть даже первые абзацы с кратким описанием истории штата, его хозяйства, культуры и климата. Он увидел, что с 1920-го до 1960-го года население больше чем удвоилось, – и этого ему было достаточно.

Но из тех же соображений стоило посмотреть другие быстро растущие штаты страны.

И в библиотеке Моргена Эммет вынул из бумажника тот листок и положил на стол. Затем открыл третий том энциклопедии и добавил вторую колонку.

Население Техаса

1920 4 700 000

1930 5 800 000

1940 6 400 000

1950 7 800 000

1960 9 600 000

(прогноз)

Население Калифорнии

1920 3 400 000

1930 5 700 000

1940 6 900 000

1950 10 600 000

1960 15 700 000

(прогноз)

Рост Калифорнии так удивил Эммета, что он даже прочел первые абзацы. Оказалось, что экономика штата растет по разным направлениям. Прежде штат был сельскохозяйственным гигантом, но война сделала его ведущим строителем кораблей и самолетов; Голливуд стал всемирной фабрикой грез; порты Сан-Диего, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско – самыми большими торговыми воротами Америки. По прогнозам только за пятидесятые годы население Калифорнии должно вырасти на пять миллионов – в полтора раза.

Идея, что они с братом найдут мать, была и вчера безумной, а сегодня тем более, учитывая этот рост населения. Но если Эммет намеревался ремонтировать и продавать дома, то Калифорния была бесспорным выбором.

Эммет убрал листок в бумажник, а энциклопедию вернул на полку. Но, вставив третий том на место, он снял двенадцатый. Стоя, открыл статью «Небраска» и пробежал глазами страницу. И отметил с мрачным удовлетворением, что с тысяча девятьсот двадцатого до тысяча девятьсот пятидесятого года численность ее населения держалась на уровне 1,3 миллиона человек, и в текущем десятилетии не ожидалось ни одним человеком больше.

Эммет поставил том на место и пошел к двери.

– Ты нашел, что искал?

Пройдя мимо стола справочной, Эммет обернулся к библиотекарше. Она подняла очки на темя, и Эммет понял, что неправильно оценил ее возраст. Едва ли ей было больше тридцати пяти.

– Нашел, – сказал он. – Спасибо.

– Ты брат Билли, да?

– Да, – сказал он, слегка удивившись.

– Я Элли Матъессен. Догадалась – вы очень похожи.

– Вы хорошо знаете брата?

– Он проводил здесь много времени. По крайней мере, пока тебя не было. Твой брат любит хорошие истории.

– Это да, – с улыбкой ответил Эммет.

И, уже выйдя за дверь, добавил про себя: «к добру или к худу».

* * *

Когда Эммет вышел из библиотеки, перед «студебекером» стояли трое. Того, что справа, высокого, в ковбойской шляпе, он не знал. Слева стоял Эдди, старший брат Дженни Андерсен,

а посередине – Джейкоб Снайдер. По тому, как Эдди пинал тротуар, Эммет видел, что ему не хочется здесь быть. Увидев Эммета, высокий толкнул Джейкоба в бок. Джейк поднял голову, и Эммет понял, что ему тоже не хочется здесь быть.

С ключами в руке Эммет остановился в нескольких шагах от них и кивнул обоим знакомым.

– Джейк. Эдди.

Они не ответили.

Эммет подумал попросить прощения у Джейка, но Джейк пришел не за этим. Эммет уже просил прощения и у Джейка, и у остальных Снайдеров. Просил после драки, потом в полиции и, наконец, на ступенях суда. Снайдерам от его извинений проку не было, не будет и сейчас.

– Я не хочу неприятностей, – сказал Эммет. – Я хочу сесть в машину и уехать.

– Я не могу тебе позволить, – сказал Джейк.

Наверное, он был прав. Они разговаривали всего минуту, а вокруг уже собирались люди. Несколько рабочих с ферм, вдовы Уэстерли и два мальчика, болтавшиеся на лужайке суда. Если закончится служба в церкви Пятидесятницы или в конгрегационалистской, народа станет еще больше. Что бы ни произошло дальше, папаше Снайдеру это станет известно, так что Джейку оставался только один способ довести эту их встречу до завершения.

Эммет положил ключи в карман и стоял, опустив руки.

Незнакомый заговорил первым. Он прислонился к двери «студебекера», сдвинул шляпу назад и улыбнулся.

– Похоже, у Джейка к тебе одно незаконченное дело.

Эммет посмотрел ему в глаза, потом повернулся к Джейку.

– Если незаконченное дело, Джейк, давай закончим.

Джейк как будто не знал, с чего начать, как будто гнев, которого он ожидал, который *должен был* испытывать все эти месяцы, вдруг ушел. Тогда, по примеру брата, он начал с вопроса.

– Ты думаешь, ты хорошо дерешься, Уотсон?

Эммет не ответил.

– Может, ты вроде боксер – когда бьешь без причины и без предупреждения?

– Причина была, Джейк.

Джейк подступил на полшага, чувствуя, что злость в нем поднимается.

– Говоришь, Джимми хотел первым тебя ударить?

– Нет. Он не пытался меня ударить.

Джейк кивнул, стиснув зубы, и подступил еще на полшага.

– Так любишь ударить первым – что ж ты меня не ударишь первым?

– Я не хочу тебя бить, Джейк.

Джейк посмотрел на Эммета, потом посмотрел в сторону. На двух приятелей он не смотрел. На зрителей, стоявших позади, не смотрел. Он смотрел куда-то в пространство. А потом, повернувшись, ударил Эммета прямым правой.

На Эммета он не смотрел, когда бил, – кулак только задел скулу, вместо того чтобы попасть в подбородок. Но задел чувствительно, так что Эммет качнулся и ступил вправо.

Все шагнули ближе – Эдди, незнакомец, зрители, даже женщина с коляской, только что подошедшая. Все – кроме Джейка. Он не двинулся и смотрел на Эммета. Эммет вернулся на прежнее место, по-прежнему не поднимая рук.

Джейк покраснел, то ли от усилия и гнева, а может быть, еще и от смущения.

– Подними кулаки, – сказал он.

Эммет не пошевелился.

– Кулаки, слышишь?

Эммет принял боксерскую стойку, поднял кулаки, но не настолько, чтобы защитить голову.

На этот раз Джейк ударил его в зубы. Эммета отбросило на три шага, он почувствовал вкус крови на губах. Он удержал равновесие и сделал три шага вперед, став достигаемым для нового удара. Он слышал, как чужой подзуживает Джейка, снова поднял кулаки на уровень груди, и Джейк сбил его с ног.

Мир вдруг пришел в беспорядок, накренился на тридцать градусов. Чтобы подняться на колени, Эммету пришлось опереться на дорогу обеими руками. Он чувствовал, как жар от бетона проходит в его ладони.

Он стоял на четвереньках, ждал, когда прояснится в голове; потом начал вставать.

Джейк шагнул к нему.

– Не вставай, – сказал он осипшим от волнения голосом. – Не вставай, Эммет Уотсон.

Эммет выпрямился, начал поднимать кулаки... но он не готов еще был стоять. Земля закружилась, встала дыбом, и он, крикнув, повалился на мостовую.

– Хватит, – раздался чей-то голос. – Хватит, Джейк.

Между зрителями пробивался шериф Питерсен.

Одному помощнику он велел отвести Джейка в сторону, а другому – отогнать зрителей. Сам сел на корточки и осмотрел Эммета. Даже повернул ему голову, чтобы получше разглядеть левую сторону лица.

– Кажется, ничего не сломано? Ты цел, Эммет?

– Я цел.

Шериф продолжал сидеть на корточках.

– Собираешься предъявить обвинение?

– В чем?

Шериф дал знак помощнику отпустить Джейка и снова обратился к Эммету – тот сидел на тротуаре и вытирал кровь с губы.

– Давно ты вернулся?

– Вчера.

– Быстро же он тебя отыскал.

– Да, быстро.

– Не могу сказать, что я удивлен.

Шериф помолчал.

– Ты дома остановился?

– Да, сэр.

– Ну, ладно. Давай-ка почистим тебя, прежде чем домой поедешь.

Шериф взял Эммета за руку, чтобы помочь встать. Но при этом успел взглянуть на костяшки его пальцев.

Шериф и Эммет ехали по городу в «студебекере» – Эммет на пассажирском месте, шериф за рулем, вел машину спокойно, неторопливо. Эммет кончиком языка ощупывал зубы. Шериф насвистывал песню Хэнка Уильямса и вдруг оборвал ее.

– Неплохая машина. Сколько может выжать?

– Миль восемьдесят, без тряски.

– Смотри ты.

Шериф по-прежнему вел неторопливо, плавно входя в повороты, насвистывая. Когда проехали поворот к участку, Эммет посмотрел на него вопросительно.

– Я подумал, к нам тебя отвезу, – объяснил шериф. – Пусть Мэри на тебя взглянет.

Эммет не возражал. Ему не мешало почиститься перед тем, как ехать домой, но еще раз в полицию не хотелось.

Они остановились на дорожке к дому Питерсенов, и Эммет хотел уже открыть дверь, но шериф не двинулся с места. Он сидел, положив руки на руль – так же, как директор колонии накануне.

Эммет ждал, когда заговорит шериф, и смотрел через ветровое стекло на шину, подвешенную к дубу на дворе. С детьми шерифа он не был знаком, но знал, что они взрослые; непонятно было, то ли эта шина – память об их детстве, то ли шериф повесил ее для внуков. А может, ее повесили еще до того, как шериф купил дом.

– Я подошел уже к концу вашей стычки, – сказал шериф, – но по виду твоей руки и лица Джейка могу предположить, что сам ты не усердствовал.

Эммет не ответил.

– Ну, может, ты счел, что тебе причитается, – продолжал шериф задумчивым тоном. – А может, пройдя то, что тебе пришлось пройти, решил, что пора для драк осталась позади.

Шериф посмотрел на Эммета, будто ожидая ответа, но Эммет молчал и продолжал смотреть на качели.

– Не против, если закурю у тебя в машине? – помолчав, спросил шериф. – Мэри больше не разрешает мне курить в доме.

– Я не против.

Шериф вынул из кармана пачку и щелчком выдвинул две сигареты, одну протянул Эммету. Эммет взял, шериф поднес зажигалку ему, потом себе. Из уважения к машине опустил стекло. Он затянулся, выпустил дым и сказал:

– Война почти десять лет как закончилась. Но некоторые из тех, что вернулись, ведут себя так, как будто она продолжается. Взять Дэнни Хогланда. Месяца не проходит, чтобы меня не вызвали из-за него. То драку затеет в придорожном ресторане, то симпатичной жене своей влепит пощечину в супермаркете.

Шериф покачал головой, словно недоумевая, что эта красивая женщина нашла в Дэнни Хогланде.

– А в прошлый вторник? Меня вытащили из постели в два часа ночи: Дэнни стоял перед домом Айверсонов с пистолетом, кричал о какой-то старой обиде. Айверсоны ничего не могли понять. А оказалось, обида была вовсе не на Айверсонов. На Баркероу. И стоял он не перед тем домом. И даже квартал не тот.

Эммет невольно улыбнулся.

– А вот другой край спектра. – Шериф показал сигаретой на какую-то невидимую аудиторию. – Ребята вернулись с войны и дали зарок, что больше никогда не тронут человека. Очень уважаю такую позицию. Право на нее они сполна заслужили. Штука в том, что, когда доходит до виски, Дэнни Хогланд по сравнению с ними – мальчик. Из-за них меня из постели не вытаскивают. Потому что перед домом Айверсонов, или Баркероу, или еще чьим-то они не стоят в два часа ночи. Они сидят у себя в комнате, в темноте, и тихо уговаривают бутылку виски. Я что хочу сказать, Эммет, – ни тот, ни другой способ жизни не кажется мне таким уж хорошим. Воевать все время нельзя, но и забывать нельзя, что ты мужчина. Можешь позволить избить себя раз-другой. Это твое право. Но, в конце концов, надо и постоять за себя – как ты умел.

Теперь шериф посмотрел на Эммета.

– Ты понял меня, Эммет?

– Да, сэр. Понял.

– Я слышал от Эда Рэнсома, ты уезжаешь из города...

– Завтра уезжаем.

– Ну, хорошо. Мы тебя почистим, и я съезжу к Снайдерам, чтобы тебя сейчас не донимали. И коли на то пошло, кто-нибудь еще тебя донимает?

Эммет опустил стекло и выбросил окуроч.

– Да большей частью советами, – сказал он.

Дачес

Когда приезжаю в новый город, стараюсь понять расклад – план улиц и характер людей. В некоторых городах потребуются дни. В Бостоне понадобятся недели. В Нью-Йорке – годы. В Моргене, Небраска, хватит нескольких минут.

В плане город – правильная сетка, со зданием суда в центре. По словам механика, который подвез меня на своем тягаче, в тысяча восемьсот восьмидесятих годах старейшины неделю совещались, решая, как лучше назвать улицы, и решили – с видом на будущее, что улицы, идущие с востока на запад, назовут в честь президентов, а улицы с севера на юг – по породам деревьев. Как выяснилось, можно было – по временам года и по карточным мастям, потому что спустя семьдесят пять лет город остался тем же – четыре квартала на четыре.

– Здравствуйте, – сказал я двум женщинам, шедшим навстречу, и ни одна не ответила.

Не поймите меня превратно. В таких городках есть своя прелесть. И есть люди, которые предпочтут жить здесь, а не где-нибудь еще – даже в двадцатом веке. Когда хочешь, например, немного разобраться в мире. В большом городе носишься среди шума и грохота – и события в мире могут казаться случайными. А в городе такого размера, когда из окна падает рояль и прямо кому-то на голову, ты скорее всего знаешь, чем несчастный это заслужил.

В общем, Морген был такой городок, где если случается что-нибудь необычное, то собираются зрители. И вот, обхожу я здание суда и вижу, полукругом собрались граждане, прямо в подтверждение моих слов. За двадцать шагов вижу типичный срез местного электората. Рабочие с ферм в шляпах, вдовы с сумками, парни в рабочих брюках. И спешит туда же мать с коляской и малышом у ног.

Я бросил остаток мороженого в мусор и подошел посмотреть поближе. И кого я вижу в центре сцены? Эммета Уотсона – вот кого, и его донимает какой-то молодой гужеед, со своими гужеедскими обидами.

Люди вокруг как будто взволнованы, по крайней мере, на свой аграрный лад. Не кричат, не улыбаются, но рады, что успели к интересному. Неделями будет о чем посудачить в парикмахерской и в дамском салоне.

Эммет же выглядел замечательно. Стоял не моргая, опустив руки, не особо радуясь, что он здесь, но и уйти не торопился. А вот задира нервничал. То подступит, то отступит, рубашка мокра от пота, хотя привел с собой двух корешей.

– Джейк, я не хочу неприятностей, – говорил Эммет. – Я хочу сесть в машину и уехать.

– Я не могу тебе позволить, – ответил Джейк, но похоже было, что только этого он и хочет сейчас.

Тут один из приспешников – высокий в ковбойской шляпе – решил встрять.

– Похоже, у Джейка к тебе одно незаконченное дело, Уотсон.

Я этого ковбоя прежде не видел, но по тому, как у него была сдвинута шляпа и по улыбке на его лице я сразу понял, кто он такой. Такие затевают сотни драк, а сами стоят в сторонке.

И что же сделал Эммет? Завелся после слов ковбоя? Велел ему заткнуться и не лезть в чужие дела? Он даже не потрудился ответить. Только повернулся к Джейку и сказал:

– Если у нас незаконченное дело, давай закончим.

А?!

Если у нас незаконченное дело, давай закончим.

Ты можешь всю жизнь дожидаться, когда надо будет сказать такую фразу, а когда понадобится – спасуешь. Такая уравновешенность дается не воспитанием, не практикой. Ты либо родился с этим, либо нет. И чаще – нет.

Но дальше самое интересное.

Оказывается, Снайдер – брат того парня, которого Эммет вывел из строя в пятьдесят втором году. Это я понял из того, что он городил: якобы Джимми ударили исподтишка – как будто Эммет Уотсон может унизиться до того, чтобы ударить человека, который этого не ждал.

Когда подзуживание не подействовало, мистер Честный Боец посмотрел вдаль, словно задумавшись, а затем без предупреждения ударил Эммета в лицо. Эммет невольно ступил вправо, потряс головой, выпрямился и занял прежнее место.

«Ну, началось», – подумали все зрители. Ясно было, что Эммет может сделать из того котлету, хотя он фунтов на десять легче и дюйма на два ниже ростом. Но, к огорчению публики, он не ответил. Просто стоял на прежнем месте.

И это Джейк завело. Он сделался красным, как рак, и закричал Эммету, чтобы тот поднял кулаки. Эммет поднял – более или менее, – и Джейк опять его ударил. На этот раз – в зубы. Эммет попятился, но не упал. По губе текла кровь, он утвердился на ногах и подошел за новой порцией.

А ковбой, лениво прислонившийся к машине Эммета, крикнул: «Пропиши ему, Джейк», – как будто Джейк собирался преподать Эммету урок. Но ковбой все не так понял. Это Эммет преподавал урок.

Алан Лэдд в «Шейне».

Фрэнк Синатра в «Отныне и вовеки веков».

Ли Марвин в «Диком».

Знаете, что у этих троих общего? Всех троих избили. Не дали, там, в нос или под дых. А *избили*. Когда звенит в ушах, из глаз течет и во рту вкус крови. Лэдда отделали ребята Райкера в салуне Графтона. Синатру – в тюрьме садист Фатсо. А с Марвином расправился Марлон Брандо на улице американского городка вроде этого, и честные граждане так же собрались там посмотреть.

Готовность вытерпеть побои: вот когда ты понимаешь, что перед тобой основательный человек. Который не ошивается в сторонке, чтобы подлить бензина в чей-то костер, и не уходит домой целеньким и невредимым. Он стоит впереди и в центре, бесстрашный, готовый отстаивать свое, пока может стоять.

Да, урок преподавал Эммет. И не только Джейку. Он преподавал его всему этому поганому городишке.

А они не понимали, на что смотрят. По их лицам видно было, что смысл урока пролетает мимо их мозгов.

Джейк уже начал дрожать, наверное, думал, что продолжать это долго не сможет. Так что на этот раз постарался закончить одним ударом. Прицел и гнев соединив, он сшиб Эммета с ног.

Публика тихонько охнула, как будто выдохнула с облегчением, а ковбой заржал довольно, как будто это он нанес удар. Но Эммет стал подниматься.

Жаль, у меня не было фотоаппарата. Мог бы снять их и отправить фото в «Лайф». На обложку бы поместили.

Поверьте, это было красиво. Но для Джейка – уже чересчур. Чуть ли не плача, он шагнул вперед и закричал Эммету, чтобы тот не вставал. Чтобы не вставал, ради бога.

Не знаю, услышал ли его Эммет – наверное, в голове стоял звон. Услышал или не услышал, значения не имело. Он все равно собирался сделать то же самое. Ступая немного неуверенно, он снова приблизился к Джейку, выпрямился во весь рост и поднял кулаки. Но тут, видно, кровь отлила от головы, он пошатнулся и упал.

Видеть Эммета на коленях было неприятно, но меня это не обеспокоило. Ему просто нужна была минута, чтобы прийти в себя и подставиться. Это было ясно как божий день. Но он не успел – представление испортил шериф.

– Хватит, – сказал он, проталкиваясь между зрителями. – Хватит.

По приказу шерифа помощник стал разгонять зрителей – он махал рукой и каждому говорил, что пора двигаться. Но ковбоя разгонять не пришлось. Он сам себя разогнал. Как только на сцене появились власти, он надвинул шляпу на лоб и живенько зашагал мимо здания суда, словно направляясь в хозяйственный магазин за банкой краски.

Я пошел следом.

Дойдя до дальнего фасада, он пересек президентскую улицу и пошел по древесной. Так он спешил оказаться подальше от места своих забав, что даже не остановился возле старухи с тростью, пытавшейся засунуть сумку с продуктами в свой «форд-Т».

– Позвольте помочь, – сказал я.

– Спасибо, молодой человек.

Пока бабушка садилась за руль, ковбой уже прошел полквартала. Когда он свернул в проулок за кинотеатром, мне пришлось догонять его бегом, хотя бегать избегаю в принципе.

Теперь, перед тем как рассказать, что было дальше, я, пожалуй, немного отвлекусь, верну вас к тому времени, когда мне было лет девять и я жил в Льюисе.

Когда папаша сдал меня в приют святого Николая для мальчиков, монахиней, отвечавшей за нас, была женщина весьма определенных мнений и неопределенного возраста – сестра Агнесса. Понятно, что решительная женщина евангелической профессии, очутившись в среде подневольных слушателей, воспользуется каждой возможностью донести до них свою точку зрения. Но не сестра Агнесса. Как опытный артист, она умела выбрать момент. Она появлялась незаметно, держась в тени, пока остальные произносили свои реплики, а затем выходила на авансцену и за пять минут пожинала лавры.

Больше всего она любила поделиться мудростью перед отбоем. Она входила в спальню, тихо наблюдала, как суетятся остальные сестры – одному ребенку показывают, как складывать одежду, другому велят вымыть лицо и всем – помолиться. Когда все улеглись, сестра Агнесса выдвигала стул и преподавала урок. Как вы можете догадаться, сестра Агнесса была равнодушна к библейской грамматике, но говорила она так прочувствованно, что всякая болтовня стихала, и слова ее еще долго звучали в наших ушах, когда был погашен свет.

Один из любимых ее уроков именовался «Цепями несправедности».

«Мальчики, – произносила она материнским тоном, – когда-нибудь вы причините зло другим, и другие причинят зло вам. И эти два зла станут вашими цепями. Зло, которое вы причинили другим, повиснет на вас в виде вины, а зло, причиненное вам другими, – в виде негодования. Учение Иисуса Христа, нашего Спасителя, освободит вас от обоих. Освободит вас от вины путем искупления; от негодования – путем прощения. И только освободившись от этих цепей, вы сможете жить своей жизнью с любовью в сердце и идти по жизни безмятежно».

Я тогда не понимал, о чем она толкует. Не понимал, как твоим движениям могут мешать какие-то грешки – по моему опыту, те, кто были склонны поступать нехорошо, к финишу приходили первыми. Я не понимал, почему, если кто-то плохо поступил с тобой, ты должен нести бремя за него. И уж совсем не понимал, что значит идти по жизни безмятежно. Но еще сестра Агнесса говорила: «Какой мудростью Господь не счел нужным наделить нас при рождении, он дарует ее нам через опыт». И в самом деле, когда я повзрослел, жизнь научила находить какой-то смысл в проповедях сестры Агнессы.

Как с моим приездом в Салину.

Это было в августе; в воздухе тепло, дни длинные, и надо убирать первый урожай картошки. «Ветхозаветный» Акерли заставлял работать от зари до сумерек, и когда кончался ужин, желание было одно: выспаться. Но свет гасили, а у меня, бывало, все крутится в голове, как я вообще очутился в Салине, и все припоминаю в тяжелых подробностях, пока не закричат петухи. А иногда воображаю, как меня вызывают к директору, и он мрачно сообщает мне об автомобильной аварии или о пожаре в гостинице, где погиб мой папаша. И если в первую

минуту такие видения умиротворяют меня, то остаток ночи будет мучить стыд и раскаяние. Вот так вместе: негодование и чувство вины. Два противоречивых чувства сбивали с толку, и я уже примирился с мыслью, что, может быть, больше никогда не выплусь.

Но когда директор Уильямс сменил Акерли и началась эпоха реформ, он учредил программу вечерних занятий, которые должны были подготовить нас к жизни в качестве честных граждан. Для этого приходил учитель обществоведения и рассказывал нам о трех ветвях власти. Приходил член городской управы и рассказывал про бич коммунизма и про долг каждого гражданина участвовать в голосовании. И тогда нам хотелось поскорее вернуться на картофельное поле.

А несколько месяцев назад он пригласил дипломированного аудитора ознакомить нас с основами финансовой грамотности. Рассказав о взаимосвязи между ресурсами и денежными обязательствами, аудитор подошел к доске и в нескольких штрихах обрисовал, как сводятся личные счета. И вот тут, сидя в заднем ряду душной классной комнаты, я наконец понял, о чем говорила сестра Агнесса.

По ходу жизни, говорила она, мы можем поступить несправедливо с другими, и они – поступить несправедливо по отношению к нам, и в результате – упомянутые цепи. Иными словами, через свой проступок мы оказываемся в долгу перед другим человеком, так же, как и другие через свои проступки оказываются в долгу перед нами. И поскольку эти долги – и наши, и долги других перед нами – нас томят и гложут ночами, единственный способ хорошо выспаться – это подвести баланс.

Эммет слушал не намного внимательнее, чем я, но ему и не было нужды прислушиваться именно к этому уроку. Он выучил его задолго до приезда в Салину. Выучил на личном опыте, пока рос в тени отцовской неудачи. Вот почему без колебаний подписал отказ от права выкупа имущества. Вот почему не захотел взять в долг у мистера Рэнсома и забрать фарфор с нижней полки шкафа. И почему с удовольствием позволил себя избить.

Как сказал этот ковбой, у Джейка к Эммету было незаконченное дело. Неважно, кто кого спровоцировал, но когда Эммет ударил Снайдера на ярмарке, он стал должником так же несомненно, как его отец, когда заложил семейную ферму. И с того дня долг висел над Эмметом – и не давал спать, – пока не был взыскан кулаками кредитора на глазах у публики.

Но если надо было выплатить долг Джейку Снайдеру, то ковбоем он ни черта не был должен. Ни шекеля, ни драхмы, ни медного цента.

– Эй, техасец, – крикнул я ему на бегу. – Пстой!

Ковбой остановился и оглядел меня.

– Я тебя знаю?

– Ты меня не знаешь, сэр.

– Тогда чего тебе надо?

Я поднял руку, пытаясь отдышаться, потом ответил.

– Там, возле здания суда, ты сказал, что у твоего друга Джейка незаконченное дело к моему другу Эммету. С таким же успехом я мог бы сказать, что у Эммета незаконченное дело с Джейком. Но так или эдак, у Джейка дело к Эммету или у Эммета дело к Джейку, согласимся, что тебе до этого никакого дела.

– Слушай, я не пойму, о чем ты толкуешь.

Я постарался разъяснить.

– Я что говорю: если у Джейка и была причина избить Эммета, а у Эммета – терпеть побои, то у тебя причин подначивать и злорадствовать никаких не было. Со временем, я думаю, ты будешь сожалеть о том, какую роль играл в сегодняшних событиях, и тебе захочется это исправить, – чтобы успокоить совесть. Но Эммет завтра уезжает из города – и тогда уж будет поздно.

– Знаешь, что я думаю? – сказал ковбой. – Я думаю, шел бы ты на хер.

Он повернулся и пошел прочь. Вот так, просто. Даже не попрощался.

Признаюсь, я немножко скис. Вот, помогаешь незнакомцу понять, какую тяжесть он на себя взял, а он поворачивается к тебе задом. Такая реакция может навсегда отвратить тебя от благих порывов. Но еще один урок сестры Агнессы заключался в том, что, исполняя труд Господень, надо иметь терпение. Ибо так же верно, как то, что праведный встретит препоны на пути к справедливости, Господь так же верно даст ему средства, чтобы их преодолеть.

И – чудо! Что вдруг является передо мной, как не мусорный ящик перед кинотеатром, полный до краев вчерашнего мусора. И среди бутылок от кока-колы и коробок от попкорна торчит стандартная доска два дюйма на четыре, длиной с руку.

– Эй! – крикнул я на бегу. – Постой секунду!

Ковбой повернулся кругом, и по лицу его я понял, что он готов отмочить что-то изумительное, позабавить всех ребят в баре. Но, боюсь, этого мы не узнаем – я хрястнул его раньше, чем он заговорил.

Удар пришелся на левую сторону головы. Шляпа взлетела в воздух, сделала кульбит и приземлилась на другой стороне проулка. Ковбой упал на месте, как марионетка с обрезанными нитями.

Я ни разу в жизни не ударил человека. И, честно говоря, первое впечатление – было больно. Я переложил доску в левую руку и посмотрел на правую ладонь – углы доски оставили на ней два красных следа. Я бросил доску и потер ладонью о ладонь, убрать жжение. Потом нагнулся – получше рассмотреть ковбоя. Ноги у него были подогнуты, левое ухо рассечено надвое, но он еще был в сознании. Или почти.

– Слышишь меня, ковбой? – спросил я.

Потом заговорил громче, чтобы он наверняка услышал.

– Считай, что расплатился с долгом полностью.

Он посмотрел на меня, заморгал. А потом чуть-чуть улыбнулся, и по тому, как закрылись у него глаза, стало понятно, что он уснул сном младенцы.

Выходя из проулка, я ощутил не просто моральное удовлетворение: шаги как будто стали легче и походка пружинистее.

Скажи пожалуйста, весело подумал я. И походка безмятежная!

Наверное, это было заметно. Потому что, выйдя из проулка, я поздоровался с двумя стариками, и они мне ответили. По дороге в город десять машин проехали мимо, и только механик меня подвез. А сейчас, по дороге к Уотсонам, остановилась первая же машина, и предложили подбросить.

Вулли

Интересная штука с любой историей, раздумывал Вулли – пока Эммет был в городе, Дачес гулял, а Билли читал вслух толстую красную книгу, – интересная штука с любой историей: ее можно пересказывать и долго, и коротко.

«Графа Монте-Кристо» Вулли первый раз услышал, когда был младше, чем Билли. Его семья проводила лето в Адирондакских горах, и каждый вечер перед сном сестра Сара прочитывала ему главу из книги Александра Дюма, а там тысяча страниц.

С тысячью страниц дело такое, что чувствуешь приближение волнующего места, но надо ждать и ждать, когда до него действительно дойдет. Иногда так долго ждать приходится, что по дороге засыпаешь. В большой красной книге у Билли профессор Абернэти пересказал весь сюжет на восьми страницах. И в его пересказе, когда чувствуешь приближение волнующего места, оно появляется мигом.

Взять, например, ту часть, которую Билли сейчас читает. Эдмона Дантеса приговорили за преступление, которого он не совершал, и сажают на всю жизнь в страшный замок Иф. Его еще только ведут в цепях через громадные ворота замка, а вы уже знаете, что он непременно сбежит. Но в повествовании мистера Дюма, до того как Дантес вырвется на свободу, ты должен прослушать столько фраз, главу за главой, что кажется, ты сам уже заперт в замке Иф! У профессора Абернэти не так. В его рассказе герой прибывает в тюрьму, сидит восемь лет в одиночке, завязывает дружбу с аббатом Фариа и чудесным образом сбегают – все на одной странице.

Вулли показал на одинокое облако, плывущее по небу.

– Так, я думаю, выглядел замок Иф.

Наставив палец на прерванное место, Билли посмотрел на облако и охотно согласился.

– С отвесными каменными стенами.

– И сторожевая башня посередине.

Вулли и Билли улыбнулись, увидев одно и то же; потом Билли стал серьезен:

– Можно задать тебе вопрос?

– Конечно, конечно.

– Тяжело было в Салине?

Вулли задумался над вопросом, а в небе замок Иф превратился в океанский лайнер с огромной трубой на месте сторожевой башни.

– Нет, – сказал Вулли, – не так уж тяжело. Точно не так, как Эдмону Дантесу в замке Иф. Просто... каждый день там – как все другие.

– Как это, как все другие?

– В Салине мы встаем в одно и то же время, одеваемся в одно и то же. Каждый день завтракаем за одним и тем же столом, с одними и теми же людьми. Каждый день делаем одну и ту же работу на одних и тех же полях и ложимся спать в один и тот же час на те же кровати.

Хотя Билли был еще мал или же потому, что был мал, он, казалось, понимал, что просыпаться, одеваться, завтракать – само по себе нормально, но есть что-то глубоко несообразное в том, чтобы это делалось совершенно одинаково изо дня в день, особенно в тысячестраничном варианте твоей собственной жизни.

Билли кивнул, нашел место, где остановился, и продолжал читать.

А у Вулли не хватило духу сказать Билли, что, конечно, таков был образ жизни в Салине, но он таков же и во многих других местах. Такой же образ жизни, несомненно, был в пансионатах. Не только в «Святом Георгии», последнем, куда сдали Вулли. Во всех трех, где он учился, в одно и то же время просыпались, одевались, завтракали за одним и тем же столом, с теми же людьми, и отправлялись в те же классы, на те же уроки.

Над этим Вулли часто задумывался. Почему начальство этих школ решило сделать каждый день таким, как все другие? По размышлении он пришел к выводу, что делается это потому, что так проще управлять. Если каждый день устроен так же, как все остальные, повар всегда знает, когда приготовить завтрак, учитель истории – когда преподать историю, дежурный по школе – когда проверить порядок в здании.

А потом у Вулли случилось озарение.

Это было в первом семестре его второго года в одиннадцатом, выпускном классе школы святого Марка. По дороге с физики на физкультуру он увидел, как из такси перед зданием школы выходит декан по воспитательной работе. Увидев такси, Вулли подумал, каким приятным сюрпризом будет его приезд для сестры, недавно купившей большой белый дом в Гастингсе-на-Гудзоне. Он живо сел в машину и сказал шоферу адрес.

«Это что, в Нью-Йорке?» – удивился таксист.

«Да, в Нью-Йорке», – подтвердил Вулли, и они поехали.

Приехали через несколько часов, и Вулли застал сестру на кухне – она только начала чистить картофелину.

– Привет, сестренка!

Если бы Вулли нагрязнул с визитом к любому другому члену семьи, не было бы отбоя от вопросов «как», «что», «почему» (особенно ввиду того, что ему потребовались сто пятьдесят долларов за такси, дожидавшееся перед домом). Но, расплатившись с шофером, Сара просто поставила чайник на плиту, печенье на стол, и они чудесно посидели, как в старое время, болтая о том о сем, обо всем, что пришло в голову.

Но через час примерно в кухню вошел зять Вулли «Деннис». Сестра была на семь лет старше Вулли, а «Деннис» на семь лет старше Сары, так что, математически, «Деннису» было тогда тридцать два. Но «Деннис» вдобавок был еще на семь лет старше себя самого, то есть по характеру – почти сорок. Вот почему, вероятно, он был уже вице-президентом в «Дж. П.Морган, сыновья и Ко».

Когда «Деннис» увидел Вулли за столом в кухне, он несколько расстроился, потому что Вулли полагалось быть где-то в другом месте. И еще больше расстроился, увидев на столе недочищенную картофелину.

– Где ужин? – спросил он Сару.

– Боюсь, я еще не начала готовить.

– Но уже половина восьмого.

– О, господи боже, Деннис.

С минуту «Деннис» смотрел на Сару изумленно, потом повернулся к Вулли и спросил, нельзя ли ему поговорить с Сарой с глазу на глаз.

По опыту Вулли знал: когда кто-то с кем-то хочет поговорить с глазу на глаз, ты не совсем понимаешь, что с собой делать. Во-первых, тебе обычно не сообщают, надолго ли они уединятся, и неизвестно, насколько серьезное ты должен придумать себе занятие. Воспользоваться случаем и сходить в туалет? Или начать складывать пазл с гонкой яхт, с пятьюдесятью спинкерами? И далеко ли удалиться? Ясно – так, чтобы не слышать их разговора. Поэтому ведь и попросили тебя. Но можно и так понять, чтобы не слишком далеко, чтобы мог услышать, когда позовут обратно.

Размышляя над этой дилеммой, Вулли перешел в гостиную, где увидел неиспользуемый рояль, несколько нечитанных книг и незаведенные стоячие часы, которые действительно стояли с дедовских времен! Но выяснилось, при том, как расстроен был «Деннис», что гостиная слишком близко, и Вулли слышал каждое слово.

«Это ведь ты хотела переехать из города, – говорил «Деннис». – А вставать на рассвете – мне, чтобы попасть на поезд в шесть сорок две и успеть к восьми в банк на заседание инвестиционного комитета. А потом почти десять часов, пока ты занимаешься неизвестно чем, я

тружусь как вол. Потом сломя голову на вокзал, и, если повезет, – успеть на поезд в шесть четырнадцать, и тогда, может быть, доберусь до дома в половине восьмого. После такого дня неужели это так много – просить, чтобы был на столе ужин?»

Тут-то и пришло озарение. Стоя перед дедовскими часами, слушая зятя, Вулли вдруг осознал, что, может быть – может быть – в «Святом Георгии», «Святом Марке» и «Святом Павле» каждый день организован, как все другие, не потому, что так легче управлять жизнью, а потому, что это самый лучший способ подготовить прекрасных молодых подопечных к тому, чтобы они успевали на поезд в шесть сорок две и к восьми – на заседание.

И в ту самую минуту, когда Вулли закончил вспоминать о своем озарении, Билли дошел до того места в рассказе, когда Эдмон Дантес, спасшись из тюрьмы, стоит в тайной пещере на острове Монте-Кристо перед великолепной грудой бриллиантов, жемчуга, рубинов и золота.

– Знаешь, Билли, что было бы великолепно? Знаешь, что было бы совершенно великолепно?

Наставив палец на прерванное место, Билли поднял голову от книги.

– Что, Вулли? Что было бы великолепно?

– День, не похожий на все другие.

Салли

На прошлой воскресной службе его преподобие Пайк читал из Евангелия притчу, где Иисус с апостолами приходит в селение, и женщина приглашает их в дом. Устроив их удобно, эта женщина, Марфа, уходит на кухню готовить им угощение. И все время, пока она готовит и ухаживает за ними, наполняет пустые стаканы, накладывает вторую порцию, ее сестра Мария сидит у ног Иисуса.

В конце концов, утомившись, Марфа не в силах сдержать свои чувства. «Господи, – говорит она, – разве не видишь, что моя бездельница сестра одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне». Или что-то в этом духе. А Иисус отвечает: «Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом. А одно только нужно. Мария же избрала благую часть».

Ну, уж извините меня. Если вам нужно доказательство, что Библия написана мужчиной, – то вот оно вам.

Я хорошая христианка. Я верю в Бога, Отца всемогущего, сотворившего небо и землю. Я верю, что Его единственный сын Иисус Христос, рожденный Девой Марией и пострадавший при Понтии Пилате, был распят, умер, был похоронен и на третий день воскрес. Верю, что он вознесся на небо и снова придет судить живых и мертвых. Верю, что Ной построил ковчег и ввел по деревянным сходням всех разных тварей до того, как сорок дней и ночей шел дождь. Хочу даже верить, что с Моисеем говорил неопалимый куст. Но не хочу верить, что Иисус Христос, наш спаситель – в два счета очистивший прокаженного, вернувший зрение слепым – отвернется от женщины, которая хлопочет по хозяйству.

Так что Его я не виню.

Виню я Матфея, Марка, Луку и Иоанна и всех остальных мужчин, служивших с тех пор священниками или проповедниками.

С мужской точки зрения *одно только* нужно: чтобы ты сидела у его ног и слушала, что он скажет, – неважно, долго ли он будет говорить и сколько раз говорил это раньше. На его взгляд, у тебя сколько угодно времени, чтобы сидеть и слушать, – еда там сама приготовится. Манна с неба упадет, и по щелчку пальцев вода превратится в вино. Любая женщина, взявшаяся испечь яблочный пирог, скажет вам, что именно так мужчина видит мир.

Чтобы испечь яблочный пирог, первым делом тебе надо замесить тесто. Надо порезать масло в муку, добавить взбитые яйца, несколько ложек холодной воды и оставить на ночь. Утром ты чистишь яблоки, вырезаешь сердцевину, режешь на ломтики и добавляешь сахар с корицей. Раскатываешь тесто для верхней корочки и собираешь пирог. Потом пятнадцать минут выпекаешь при двухстах двадцати градусах и еще сорок пять минут – при ста восьмидесяти. И наконец, когда ужин съеден, осторожно выкладываешь ломоть на тарелку, ставишь на стол, а мужчина на середине фразы подцепляет вилкой половину, отправляет в рот и глотает, не разжевав, чтобы вернуться к тому, о чем говорил, – и чтобы, не дай бог, не прервали.

А клубничное варенье? Лучше мне не начинать!

Как правильно заметил Билли, варенье – дело *хлопотное*. Только чтобы ягоды собрать, нужно полдня. Потом мыть их, отрывать стебельки. Надо стерилизовать банки и крышки. Когда все собрала, ставишь варить на медленном огне и следишь, как коршун, ни на шаг не отходя от плиты, – чтобы не переварилось. Готово – раскладываешь по банкам, запечатываешь и несешь в кладовку, по одному подносу за раз. И только тогда начинаешь прибирать – дело тоже *мешкотное*.

И да, как заметил Дачес, варить варенье – занятие немного *старомодное*, из времен фургонов и погребов. И слово-то уходит – теперь все чаще «джем».

А Эммет заметил, что, главное, и необходимости в нем нет. Спасибо мистеру Смакеру, в магазине у него пятнадцать сортов джема, по девятнадцать центов банка, в любое время года. Джем так доступен теперь, что можно купить чуть ли не в хозяйственном магазине.

Да, варить клубничное варенье – дело мешкотное, устаревшее и ненужное.

Тогда, вы спросите, зачем я с этим вожусь?

Вожусь потому, что это забирает время.

Кто это сказал, что все стоящее не должно отнимать времени? Пилигримам понадобились месяцы, чтобы доплыть до Плимутского камня. Джорджу Вашингтону понадобились годы, чтобы победить в Войне за независимость. Десятилетия понадобились пионерам, чтобы завоевать Запад.

Время – вот чем пользуется Бог, чтобы отделить бездельников от трудолюбивых. Потому что время – это гора, и при виде ее крутых склонов лодырь ложится посреди полевых лилий и ждет, что кто-нибудь пройдет рядом с кувшином лимонада. Стоящее дело требует планирования, усилий, внимательности и готовности прибратся.

Вожусь потому, что это старомодно.

А новое – это еще не значит, что оно лучше; часто бывает, что и хуже.

Говорить «пожалуйста» и «спасибо» стало отчасти старомодно. Выходить замуж и растить детей – старомодно. Традиции, сами средства, при помощи которых мы осознаем себя, – куда уж старомоднее?

Я делаю варенье так, как научила меня мать, упокой Господи ее душу. Она варила варенье так, как научила ее мать, а бабушка – так, как ее мать научила. И так далее, век за веком, до самой Евы. Или, по крайней мере, до Марфы.

И я делаю это потому, что в этом нет необходимости.

Ведь что такое доброе дело, как не поступок, полезный для другого человека, но совершенный не по просьбе. В оплате счета доброты нет. В том, чтобы встать на заре и дать корм свиньям, или подоить коров, или собрать яйца в курятнике, доброты нет. Если на то пошло, нет доброты и в приготовлении ужина, и в подметании кухни, когда твой отец отправляется наверх, даже не сказав «спасибо».

Не требуется доброты, чтобы запереть двери, погасить свет, подобрать одежду с пола в ванной и положить в корзину. Нет доброты и в хлопотах по дому, когда единственная твоя сестра разумно решила выйти замуж и переехать в Пенсаколу.

Нет, сказала я себе, улегшись в постель и погасив свет, нет ни в чем этом доброты.

Потому что доброта начинается там, где кончается необходимость.

Дачес

Поднявшись наверх после ужина и приготовясь уже завалиться на кровать Эммета, я заметил, как ровно лежит на ней покрывало. Остановившись на секунду, я наклонился, чтобы разглядеть его получше.

Сомнений не было. Она перестелила.

Мне казалось, не буду хвастать, что застелил неплохо. Но Салли сделала еще лучше. Ни морщинки на всей кровати. И в головах на одеяле – ровный белый прямоугольник отогнутой простыни, равноудаленный от краев, словно выверен по линейке. А в ногах подоткнуто так туго, что под покрывалом видны очертания углов матраса – примерно как видишь грудь Джейн Рассел под свитером.

Не хотелось нарушать такую красоту, пока не лягу спать. Поэтому сидел на полу, прислонясь к стене, и, пока не легли остальные, подумал немного о братьях Уотсонах.

Днем, когда я вернулся, Вулли и Билли все еще лежали на траве.

– Как прогулка? – спросил Вулли.

– Освежающая, – ответил я. – А вы тут чем занимались?

– Билли читал мне разные истории из книги профессора Абернэти.

– Жаль, я пропустил. А какие?

Билли начал перечислять, но тут подъехал к дому Эммет.

«Что до историй...» – подумал я.

Сейчас Эммет выйдет из машины, слегка потрепанный. Губа наверняка распухла, кое-где ссадины и, наверное, фингал. Вопрос: как он им это объяснит? Споткнулся из-за трещины в тротуаре? Или загремел с лестницы?

По моему опыту, самое лучшее объяснение должно быть неожиданным. Например: «Я шел по лужайке перед зданием суда, любовался козодоем, примостившимся на ветке, как вдруг в лицо мне угодил футбольный мяч». При таком объяснении твой слушатель настолько увлечен козодоем на дереве, что не заметит, как прилетел мяч.

Но когда Эммет вошел и Билли, раскрыв глаза, спросил, что случилось, Эммет сказал, что столкнулся в городе с Джейком Снайдером, и Джейк его ударил. Только и всего.

Я посмотрел на Билли, ожидая, что он будет потрясен или возмущен, но он только кивал головой с задумчивым видом.

– Ты его ударил в ответ? – спросил он, подумав.

– Нет, – сказал Эммет. – Вместо этого я сосчитал до десяти.

Тогда Билли улыбнулся Эммету, и Эммет улыбнулся в ответ.

Действительно, Горацио, есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам.

* * *

Вскоре после полуночи я просунул голову в комнату Вулли. По звуку его дыхания я понял, что он во власти сновидений. Дай бог, чтобы не перебрал со своим лекарством перед сном – ведь скоро мне его будить.

Братья Уотсоны тоже крепко спали, Эммет на спине, Билли калачиком у него под боком. В лунном свете я разглядел, что книга у него в ногах. Если вытянет ноги, она может упасть на пол, поэтому я перенес ее на бюро, на то место, где полагалось быть фотографии его матери.

Брюки Эммета висели на спинке стула – во всех карманах пусто. Обойдя на цыпочках кровать, я присел у тумбочки. Ящик был совсем близко от головы Эммета. Пришлось выдвигать его по чуть-чуть. Но ключей и там не было.

– Тьфу ты, – сказал я про себя.

До того, как подняться сюда, я уже поискал их в машине и на кухне. Куда, к черту, он мог их засунуть?

Пока я раздумывал, по стене скользнул свет фар – к дому подъехала и остановилась машина.

Я тихо прошел по коридору и стал перед лестницей. Услышал, как открылась дверь машины. Послышались шаги: кто-то поднялся на веранду, потом спустился, потом захлопнулась дверь, и машина отъехала.

Убедившись, что никто не проснулся, я спустился на кухню, открыл дверь с сеткой и вышел на веранду. Вдалеке виднелся свет уезжавшего автомобиля. Я не сразу заметил под ногами обувную коробку с жирной черной надписью на крышке.

Я, может, не грамотей, но свое имя узнаю, когда его вижу, даже при свете луны. Я присел, осторожно поднял крышку, недоумевая, что там, черт возьми, может быть.

Ну и ну!

Восемь

Эммет

В половине шестого утра они выехали на шоссе; Эммет был в хорошем настроении. Вечером по карте Билли он проложил маршрут. Пути от Моргена до Сан-Франциско было чуть больше полутора тысяч миль. Если делать в среднем сорок миль в час и ехать десять часов в день – оставляя время на еду и сон, – то можно добраться за четыре дня.

Конечно, между Моргеном и Сан-Франциско много чего интересного. Как видно из открыток матери, есть мотели, памятники, родео и парки. Если захочешь отклониться от маршрута, тебе тут и гора Рашмор, и гейзер «Старый служака», и Большой каньон. Но Эммет не хотел растрачивать деньги и время по дороге на запад. Чем скорее приедут в Калифорнию, чем скорее найдет работу, чем больше денег останется на руках, когда приедут, тем лучше будет дом, который они смогут купить. А если тратить в дороге по пустякам то небольшое, что у них есть, тогда и дом придется купить малость похуже, и в районе похуже, и, когда дело дойдет до продажи, то и выручат за него меньше. Так что для Эммета чем скорее они доедут, тем лучше.

Больше всего беспокоило Эммета, когда он ложился спать, – что не добудится остальных на рассвете и потеряет первые часы утра, пока будет выпроваживать их из дома. Но зря он беспокоился. Он встал в пять, а Дачес был уже в душе, и Вулли что-то напевал в коридоре. Билли вообще лег спать одетый, так что и одеваться не надо, когда проснется. К тому времени, когда Эммет сел за руль и взял ключи с козырька, Дачес уже сидел на пассажирском месте, а Билли – сзади рядом с Вулли и с картой на коленях. И перед восходом, когда они свернули с дорожки на шоссе, ни один из них не оглянулся назад.

Может, у них у всех были причины выехать пораньше, думал Эммет. Может, всем хотелось очутиться где-нибудь еще.

Поскольку Дачес сидел впереди, Билли спросил, не хочет ли он к себе карту. Дачес отказался, сославшись на то, что от чтения в машине его мутит, и Эммет почувствовал некоторое облегчение: Дачес не всегда внимателен к деталям, между тем как Билли – прирожденный штурман. У него не только был компас и карандаши наготове, но еще и линейка, так что он мог рассчитывать расстояния по карте в дюймовом масштабе. Но когда Эммет включил правый поворотник перед шоссе 34, он пожалел, что штурманом у него не Дачес.

– Ты рано включил поворотник, – сказал Билли. – Надо еще немного проехать.

– Я поворачиваю на шоссе тридцать четыре, – объяснил Эммет. – Это кратчайший путь к Омахе.

– Но к Омахе ведет шоссе Линкольна.

Эммет остановился на обочине и посмотрел на брата.

– Да, Билли. Но тогда мы немного отклонимся.

– Немного отклонимся от чего? – с улыбкой спросил Дачес.

– Немного отклонимся от нашего маршрута, – сказал Эммет.

Дачес обернулся к задним пассажирам.

– Билли, сколько еще до шоссе Линкольна?

Билли приложил линейку к карте и сказал, что семнадцать с половиной миль.

Вулли, тихо любовавшийся пейзажем, с любопытством повернулся к Билли.

– А что это за шоссе Линкольна? Какое-то особенное шоссе?

– Это было первое шоссе через всю Америку.

– Брось, Эммет, – сказал Дачес. – Что такое семнадцать с половиной миль?

«Это семнадцать с половиной миль, – хотел ответить Эммет, – к тому крюку в сто тридцать, которые мы должны проехать, чтобы доставить тебя в Омаху». Но, с другой стороны, Эммет понимал, что Дачес прав. Эти лишние мили – ерунда, особенно учитывая, как расстроится Билли, если он настоит на шоссе тридцать четыре.

– Ладно, – сказал он. – Поедем по шоссе Линкольна.

Он выехал на полотно и почти видел, как брат кивает головой, одобряя его решение.

За семнадцать с половиной миль никто не произнес и слова. Но когда Эммет повернул направо у Сентрал-Сити, брат взволнованно поднял голову от карты.

– Это оно, – сказал Билли. – Шоссе Линкольна.

Он подался вперед, посмотреть, что там дальше, потом оглянулся, посмотреть, что осталось позади. Сентрал-Сити, может, только по названию город, но Билли, месяцами мечтавший о поездке в Калифорнию, был доволен тем, что здешние рестораны и мотели, хоть их тут совсем немного, похожи на те, что на открытках от мамы. А что они едут не в ту сторону, это сейчас не сильно его огорчало.

Вулли тоже был взволнован и смотрел на придорожные заведения одобрительно.

– Значит, эта дорога идет от берега до берега?

– Почти от берега до берега, – уточнил Билли. – Она идет от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

– Так похоже, что от берега до берега, – заметил Дачес.

– Нет, шоссе Линкольна не начинается и не кончается у воды. Оно начинается на Таймс-Сквер и кончается у Дворца Почетного легиона.

– И названо в честь Авраама Линкольна? – спросил Вулли.

– Да, – сказал Билли. – И вдоль него стоят его статуи.

– Вдоль всего шоссе?

– Бойскауты собирали деньги на них.

– На столе моего прадеда стоит бюст Авраама Линкольна, – с улыбкой сказал Вулли. –

Он очень уважал президента Линкольна.

– А давно провели это шоссе? – поинтересовался Дачес.

– Его придумал мистер Карл Г. Фишер в одна тысяча девятьсот двенадцатом году.

– Придумал?

– Да, – сказал Билли. – Придумал. Он считал, что американцы должны иметь возможность ездить из одного конца страны до другого. Первые отрезки шоссе он построил в одна тысяча девятьсот тринадцатом году, с помощью пожертвований.

– Люди давали ему деньги для строительства? – удивился Дачес.

Билли важно кивнул.

– В том числе Томас Эдисон и Тедди Рузвельт.

– Тедди Рузвельт! – воскликнул Дачес.

– «Делай что можешь там, где ты есть», – сказал Вулли.

Они ехали на восток; Билли исправно называл каждый город, который они проезжали, а Эммет был доволен хотя бы тем, что едут с приличной скоростью.

Да, заезд в Омаху – лишний крюк, но выехали они спозаранок, и Эммет рассчитывал, что, высадив Дачеса и Вулли на автобусной станции, они повернут обратно и спокойно доберутся до Огаллалы еще засветло. А может быть, и до Шайенна. Сейчас июнь, светлого времени у них – восемнадцать часов. Если готовы ехать двенадцать часов в день, со средней скоростью пятьдесят миль в час, думал Эммет, то можем добраться до места за три дня, даже чуть быстрее.

Но тут Билли показал на водонапорную башню вдалеке, а на ней слово «Льюис».

– Дачес, смотри. Льюис. Ты в этом городе жил?

– Ты жил в Небраске? – спросил Эммет, повернувшись к Дачесу.

– Года два, в детстве, – подтвердил Дачес.

Он сел прямо и с интересом стал осматриваться.

– Слушай, – сказал он Эммету. – Можем завернуть немного? Я бы посмотрел на дом. Ну, вспомнить старое.

– Дачес...

– Ну, давай! Пожалуйста. Я знаю, ты сказал, что хочешь быть в Омахе к восьми, но мы вроде быстро ехали.

– Мы на двенадцать минут опережаем расписание, – сказал Билли, поглядев на свои армейские часы.

– Вот. Видишь?

– Ладно, – сказал Эммет. – Завернем. Но только взглянуть.

– А больше и не прошу.

На окраине Дачес взял на себя обязанности штурмана и показывал ориентиры.

– Да. Да. Да. Вот! Теперь у пожарного депо налево.

Эммет повернул налево, к жилым кварталам с красивыми домами и ухоженными лужайками. Через две-три мили они миновали церковь с высоким шпилем и парк.

– Теперь направо, – сказал Дачес.

Они выехали на широкую извилистую дорогу, обсаженную деревьями.

– Подъезжай туда.

Эммет подъехал.

Они остановились перед зеленым холмом; наверху стояло большое каменное здание. Трехэтажное, с башенками по обоим бокам, выглядело как особняк.

– Это был твой дом? – спросил Билли.

– Нет, – засмеявшись, сказал Дачес. – Это типа школы.

– Пансион? – спросил Билли.

– Типа того.

С минуту они любовались его благородным видом, потом Дачес повернулся к Эммету.

– Можно, я зайду?

– Зачем?

– Поздороваться.

– Дачес, сейчас полседьмого утра.

– Если все спят, оставлю записку. Будет им сюрприз.

– Записку твоим учителям? – спросил Билли.

– Им. Записку моим учителям. Ну что, Эммет? Всего несколько минут. Пять минут от силы.

Эммет взглянул на часы на щитке.

– Ладно. Пять минут.

Дачес взял школьную сумку с пола, вылез из машины и затрусил вверх по склону к зданию.

А в машине Билли стал объяснять Вулли, почему ему с Эмметом надо успеть в Сан-Франциско к четвертому июля.

Эммет выключил зажигание и смотрел через ветровое стекло, мечтая о сигарете.

Пять минут прошли.

Потом еще пять.

Эммет качал головой, ругая себя за то, что отпустил Дачеса в дом. Никто никуда не бежит на пять минут, неважно, с утра или нет. Тем более не тот, кто любит поболтать, как Дачес.

Эммет вылез из машины и подошел к ней с другой стороны. Он прислонился к двери и посмотрел на школу; она была сложена из розового известняка, как здание суда в Моргене. Камень, наверное, везли из карьера в округе Касс. В конце тысяча восьмисотых из него строили

здания муниципалитетов, библиотек и судов во всех городах в радиусе двухсот миль. Некоторые здания были как близнецы, и когда ты переезжал из одного города в соседний, казалось, что ты никуда и не ехал.

И все же что-то было не так в этом здании. Только через несколько минут Эммет сообразил, в чем странность: не было парадного входа. Строился ли дом как особняк или как школа, у такого внушительного здания должен быть подобающий вход. Должна быть подъездная дорожка, обсаженная деревьями, и солидная дверь.

Эммет решил, что они подъехали к дому с тыла. Но почему Дачес не направил их к главному фасаду?

И зачем он взял сумку?

– Я ненадолго, – сказал Эммет брату и Вулли.

– Давай, – отозвались они, не отрываясь от карты.

Поднявшись по склону, Эммет направился к двери, расположенной посередине. С каждым шагом в нем нарастало раздражение, он уже думал, какую взбучку устроит Дачесу, когда его найдет. Скажет ему понятным языком, что им некогда заниматься разными глупостями. Что его незваное появление – само по себе морока и поездка в Омаху отнимет у них два с половиной часа. А туда и обратно – пять часов. Но мысли эти вылетели у него из головы, когда он увидел разбитое стекло в двери – ближайшее к ручке. Эммет открыл дверь и вошел; стекло хрустело под ногами.

Он очутился в большой кухне с двумя стальными раковинами, плитой с десятью конфорками и большим холодильником. Как и в большинстве общественных кухонь, здесь навели порядок накануне вечером – столы очищены, шкафы закрыты, кастрюли висят на крючках.

Единственный признак беспорядка – кроме разбитого стекла, – кладовая, где выдвинуты ящики и на полу валяются ложки.

Через двустворчатую дверь Эммет вошел в обитую деревом столовую – шесть длинных столов, какие ожидаешь увидеть в монастыре. И дополняет религиозную атмосферу большое витражное окно, бросающее желтые, красные и синие пятна на стену напротив. На витраже Иисус, восставший из мертвых, показывает раны на руках – но здесь в дополнение к изумленным апостолам присутствуют дети.

Из столовой Эммет вышел в просторный вестибюль. Слева находилась внушительная парадная дверь, а справа – лестница из такого же лакированного дуба. В других обстоятельствах Эммет задержался бы, чтобы рассмотреть резьбу на филенках двери и балясины лестницы, но успел только отметить качество работы, – наверху происходила какая-то кутерьма.

Шагая через ступеньку, Эммет миновал еще одну россыпь ложек. С площадки второго этажа коридоры уходили в противоположные стороны, справа слышался легко узнаваемый шум детской возни. Туда он и направился.

За первой дверью оказалась спальня. Кровати стояли двумя рядами, ровно, но постели были в полном беспорядке – и пусты. Следующая дверь вела во вторую спальню, тоже с двумя рядами кроватей и вздыбленным бельем. Но здесь человек шестьдесят мальчиков в голубых пижамах, разбившись на шумные группы, окружали шесть банок с клубничным вареньем.

В одних кружках они дисциплинированно черпали ложками варенье по очереди, в других норовили всех опередить, поскорее сунуть ложку, отправить варенье в рот и успеть еще раз, пока не опустела банка.

Только теперь Эммету пришло в голову, что это не школа-пансион. Это был детский дом.

Пока Эммет наблюдал за их возней, его заметил мальчик лет десяти, в очках, и дернул за рукав мальчика постарше. Этот, глядя на Эммета, подал знак сверстнику. Не обменявшись ни словом, двое, плечом к плечу, приблизились к Эммету и остановились между ним и остальными.

Эммет миролюбиво поднял руки.

– Я не собираюсь вам мешать. Я ищу друга. Он вам варенье принес.

Двое старших смотрели на Эммета молча, а тот, что в очках, показал на коридор.

– Он пошел обратно.

Эммет вышел из комнаты и вернулся на лестничную площадку. Он хотел уже спускаться, но из противоположного коридора послышался приглушенный женский крик, а следом – стук в дверь. Эммет остановился, пошел по коридору и увидел две двери, ручки которых были подперты спинками наклоненных стульев. Крики и стук доносились из-за первой двери.

– Открой дверь! Сию же минуту!

Эммет убрал стул и открыл дверь – в коридор вывалилась женщина лет сорока в длинной белой ночной рубашке. За ней Эммет увидел другую – она сидела на кровати и плакала.

– Как ты посмел! – закричала стучавшая, восстановив равновесие.

Эммет, не обращая на нее внимания, подошел ко второй двери и убрал стул. В комнате у кровати стояла на коленях женщина – молилась; вторая, постарше, сидела в кресле с высокой спинкой и спокойно курила сигарету.

– А! – сказала она, увидев Эммета. – Как любезно, что вы открыли дверь. Заходите, заходите.

Она погасила сигарету в пепельнице у себя на коленях, и Эммет неуверенно шагнул в комнату. Тут же за спиной у него появилась женщина из первой комнаты.

– Как ты посмел! – снова крикнула она.

– Сестра Береника, – сказала старшая. – Почему ты повышаешь голос на молодого человека? Разве ты не понимаешь, что он наш освободитель?

В комнату вошла плакавшая, все еще в слезах, а старшая обратилась к той, что стояла на коленях.

– Сострадание прежде молитв, сестра Эллен.

– Да, сестра Агнесса.

Сестра Эллен встала и обняла плачущую, приговаривая: «Ну, все. Все», а сестра Агнесса снова обратилась к Эммету.

– Как вас зовут, молодой человек?

– Эммет Уотсон.

– Итак, Эммет Уотсон, вы не просветите нас относительно того, что происходит здесь, у Святого Николая, сегодня утром?

У Эммета было сильное желание повернуться и уйти, но желание ответить сестре Агнессе пересилило.

– Я вез приятеля на автобусную станцию в Омахе, а он попросил заехать сюда. Сказал, что жил здесь когда-то...

Все четверо смотрели на него внимательно; плакавшая перестала плакать, старшая перестала ее успокаивать, кричавшая уже не кричала, но угрожающе шагнула к Эммету.

– Кто, кто здесь жил?

– Его зовут Дачес...

– Ха! – воскликнула она и повернулась к сестре Агнессе. – Говорила же я, что мы его еще увидим! Что он еще появится и устроит какую-нибудь гадость напоследок?

Не ответив сестре Беренике, сестра Агнесса посмотрела на Эммета с любопытством.

– А скажи мне, Эммет, почему Дэниел запер нас в комнатах? Зачем?

Эммет замялся.

– Ну? – подстегнула сестра Вероника.

Эммет покачал головой и показал в сторону спален.

– Насколько я понял, он попросил меня заехать сюда, чтобы угостить мальчиков клубничным вареньем.

Сестра Агнесса с удовлетворением вздохнула.

– Вот. Видите, сестра Береника? Наш маленький Дэниел вернулся сюда с благотворительными целями.

Не важно, с какими, подумал Эммет, но этот крюк уже отнял у нас тридцать минут, и если дальше мешкать, застрянем здесь на часы.

– Хорошо, – сказал он, отступая к двери, – если все в порядке...

– Нет, подожди, – сказала сестра Агнесса, протянув к нему руку.

Эммет быстро вышел в коридор и направился к лестничной площадке. Позади слышались голоса сестер; он сбежал по лестнице и через столовую и дверь кухни с облегчением вышел из дома.

Уже на середине склона он увидел, что Билли сидит на траве, мешок рядом с ним, на коленях – красная книга, а ни Дачеса, ни Вулли, ни «студебекера» не видно.

– Где машина? – запыхавшись, спросил Эммет, когда подбежал к брату.

– Дачес и Вулли взяли ее на время. Но они ее вернут.

– Когда вернут?

– Когда съездят в Нью-Йорк.

Эммет смотрел на брата с гневным недоумением.

Чувствуя, что что-то не так, Билли поспешил его успокоить.

– Ты не волнуйся. Дачес обещал, что они вернутся восемнадцатого июня, у нас будет полно времени, чтобы успеть в Сан-Франциско к Четвертому июля.

Эммет не успел ответить: Билли показал на что-то за его спиной.

– Смотри.

Эммет повернулся и увидел спускающуюся по склону сестру Агнессу. Подол ее черного одеяния вздувался позади, словно она плыла по воздуху.

* * *

– Ты говоришь о «студебекере»?

Эммет стоял один в кабинете сестры Агнессы и разговаривал по телефону с Салли.

– Да. «Студебекер».

– Дачес на нем уехал?

– Да.

Молчание на том конце.

– Не понимаю, – сказала она. – Куда уехал?

– В Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк, Нью-Йорк?

– Да. Нью-Йорк, Нью-Йорк.

– А ты в Льюисе?

– Около.

– Я думала, ты едешь в Калифорнию. Почему ты около Льюиса? И почему Дачес едет в Нью-Йорк?

Эммет уже жалел, что позвонил Салли. А кому еще?

– Слушай, Салли, все это сейчас не имеет значения. Главное – надо вернуть машину. Я позвонил на вокзал в Льюисе. Поезд на восток делает остановку здесь сегодня, попозже. Если успею на него, попаду в Нью-Йорк раньше Дачеса, заберу машину и вернусь в Небраску в пятницу. А почему звоню – надо, чтобы кто-то в это время присмотрел за Билли.

– Так бы и сказал сразу.

Объяснив Салли дорогу и положив трубку, Эммет посмотрел в окно и почему-то вспомнил день, когда его приговорили.

Перед тем как отправиться с отцом в суд, Эммет отвел брата в сторонку и объяснил, что отказался от права на защиту. Объяснил, что не хотел причинить сильный вред Джимми, но поддался гневу и готов заплатить за свой поступок.

Пока Эммет объяснял все это брату, Билли не качал головой в знак несогласия и не говорил, что Эммет совершает ошибку. Он, казалось, понимал, что Эммет поступает правильно. Но если Эммет собирается признать себя виновным без слушания, тогда Билли хочет, чтобы он пообещал одно:

– Что пообещать, скажи?

– Если рассердишься на кого-то и захочешь ударить, посчитай сперва до десяти.

И Эммет не только пообещал – они закрепили это рукопожатием.

Тем не менее Эммет подозревал, что если бы Дачес оказался сейчас здесь, сосчитать до десяти было бы мало.

* * *

Когда Эммет вошел в столовую, там стоял галдеж – шестьдесят мальчиков говорили одновременно. В любой такой столовой с мальчиками бывает шумно, но тут, наверное, было шумнее обычного: они обсуждали утреннее происшествие, появление загадочного союзника, который запер сестер в комнатах и раздал банки с вареньем. По своему опыту в Салине Эммет знал, что ребята не просто дают выход возбуждению, заново переживая утреннее. Они создавали предание, устанавливали ключевые подробности легенды, которая будет передаваться в этом приюте из поколения в поколение.

Билли и сестра Агнесса сидели рядом у середины длинного монастырского стола. Тарелка с недоеденными гренками была отодвинута в сторону, чтобы освободить место для толстой красной книги.

– Мне кажется, – говорила сестра Агнесса, наставив палец на страницу, – что твой профессор Абернэти мог бы включить сюда Иисуса Христа вместо Ясона. Ведь Он был одним из самых неустрашимых путешественников на свете. Согласен, Уильям? А! Вот и твой брат!

Эммет сел напротив сестры Агнессы – стул напротив Билли был занят его мешком.

– Эммет, можно предложить тебе гренков? Или яичницу и кофе?

– Нет, спасибо, сестра. Я сыт.

Она показала на вещмешок.

– Кажется, вы не успели рассказать мне, куда направлялись и как очутились в нашем обществе.

«Очутились в нашем обществе» – нахмуясь, подумал Эммет.

– Мы везли Дачеса... то есть Дэниела... и еще одного друга на автобусную станцию в Омахе.

– Ах да, – сказала сестра Агнесса, – кажется, ты об этом упомянул.

– Но поездка на станцию – это просто крюк, – пояснил Билли. – На самом деле мы едем в Калифорнию.

– В Калифорнию! – воскликнула сестра Агнесса. – Как увлекательно! А почему вы ехали в Калифорнию?

И Билли объяснил сестре Агнессе, что мама уехала из дома, когда они были маленькими, что их папа умер от рака, рассказал об открытках в ящике бюро, которые мама присылала им из разных городов на шоссе Линкольна по пути в Сан-Франциско.

– И там мы ее найдем, – закончил Билли.

– Понятно, – с улыбкой сказала сестра Агнесса. – Кажется, вас ждет большое приключение.

– Насчет приключения не знаю, – сказал Эммет. – Но ферму банк отобрал. Нам надо начинать с нуля, и, наверное, разумно начинать там, где я смогу найти работу.

– Да, конечно, – уже серьезнее сказала сестра Агнесса.

Она внимательно смотрела на Эммета, потом обратилась к Билли:

– Ты уже кончил с завтраком? Давай, убери за собой. Кухня – там.

Сестра Агнесса и Эммет наблюдали, как Билли складывает приборы на тарелку, ставит на нее стакан и осторожно уносит. Тогда она обратилась к Эммету:

– Что-то не так?

Эммета немного удивил этот вопрос.

– В каком смысле?

– Минуту назад ты как будто немного расстроился, когда я поддержала энтузиазм твоего брата насчет вашей поездки на запад.

– Наверное, не стоило его подбадривать.

– Почему же?

– Мы восемь лет не получали от матери вестей и не представляем себе, где она. Вы, наверное, заметили, что у брата сильное воображение. Я, когда могу, стараюсь уберечь его от разочарований, а не добавлять поводов.

Сестра Агнесса пристально смотрела на Эммета, и он чувствовал, что ерзает на стуле.

Эммет никогда не любил пастырей. В половине случаев казалось, что проповедник хочет впарить тебе то, что тебе не нужно, а еще в половине – впаривает то, что у тебя и так уже есть. Но сестра Агнесса как-то особенно его нервировала.

– Ты обратил внимание на окно у меня за спиной? – спросила она.

– Да.

Она кивнула и бережно закрыла книгу Билли.

– Когда я приехала сюда в тысяча девятьсот сорок втором году, я почувствовала, что этот витраж действует на меня каким-то таинственным образом. Что-то в нем захватило меня, но я не могла понять, что именно. После обеда, когда все затихало, я иногда садилась здесь с чашкой кофе – примерно там, где ты сидишь, – и смотрела на него, вглядывалась. И однажды я поняла, почему он на меня так действует. Это разница в выражении лиц апостолов и детей.

Сестра Агнесса повернулась и посмотрела на окно. Эммет тоже посмотрел, почти неохотно.

– Если присмотреться к лицам апостолов, ты заметишь, что они весьма скептически относятся к тому, что им открылось. «Ясно, – думают они про себя, – это, наверное, какой-то обман или галлюцинация: мы же своими глазами видели Его смерть на кресте и своими руками отнесли Его тело в пещеру». Но если помотришь на лица детей, в них нет и намек на скепсис. Они смотрят на это чудо с благоговением и удивлением, да, но без недоверия.

Эммет понимал, что намерения у сестры Агнессы самые лучшие. И учитывая, что ей седьмой десяток и что она посвятила себя не только службе Церкви, но и службе сиротам, Эммет понимал, что ее рассказ заслуживает полного внимания. Но, пока она рассказывала, он успел заметить, что желтые, красные и голубые пятна света от витража переместились со стены на стол, свидетельствуя о перемещении солнца и потере еще одного часа.

* * *

– ... Потом он пошел вверх с сумкой Эммета и разбил окно на кухонной двери!

Как и мальчики из сиротского дома, Билли взволнованно описывал утренние события, а Салли тем временем маневрировала на загруженной дороге.

– Он разбил окно?

– Потому что дверь была заперта! А в кухне он набрал ложек и понес вверх в спальню.

– Зачем он набрал ложек?

– А ложки затем, что принес им клубничное варенье!

Салли посмотрела на Билли с изумлением.

– Он дал им банку моего клубничного варенья?

– Нет, – сказал Билли. – Он дал им шесть. Эммет, ты ведь так сказал?

Оба повернулись к Эммету, смотревшему в окно.

– В общем, так, – ответил он, не обернувшись.

– Не понимаю, – вполголоса произнесла Салли.

Она наклонилась к рулю и прибавила скорость, чтобы обогнать легковую машину.

– Я дала ему как раз шесть банок. Ему могло хватить до Рождества. Почему он отдал все чужой компании?

– Потому что они сироты, – объяснил Билли.

Салли подумала.

– Да, конечно. Ты прав, Билли. Ты совершенно прав. Потому что они сироты.

Салли кивнула, одобряя логику Билли и отзывчивость Дачеса, а Эммет отметил про себя, что она была гораздо больше возмущена потерей своего варенья, чем похищением его машины.

– Вот он, – Эммет показал на здание вокзала.

Салли развернулась перед носом «шевроле». Когда пикап остановился, все трое вылезли из кабины. Эммет смотрел на вход на вокзал, а Билли сразу подошел к кузову, взял свой вещмешок и стал надевать.

Увидев это, Салли сначала удивилась, а потом, прищутив глаза, негодуя обратилась к Эммету:

– Ты еще не сказал? – чуть слышно спросила она. – Не рассчитывай, что я этим займусь! Эммет отвел брата в сторонку.

– Билли, ты не надевай сейчас мешок.

– Да ничего, – сказал Билли, подтягивая лямки. – Сниму, когда сядем в поезд.

Эммет присел на корточки.

– Билли, ты не поедешь на поезде.

– Как это? Почему я не поеду на поезде?

– Разумнее тебе остаться у Салли, пока я съезжу за машиной. Я заберу ее и сразу вернусь за тобой в Морген. Это какие-нибудь два-три дня.

Но пока Эммет это объяснял, Билли все время мотал головой.

– Нет, – сказал он. – Нет, я не могу вернуться к Салли. Мы уже уехали из Моргена и едем в Сан-Франциско.

– Это так, Билли. Мы едем в Сан-Франциско. Но сейчас наша машина едет в Нью-Йорк. При этих словах глаза у Билли широко раскрылись: его осенило.

– Шоссе Линкольна и начинается же в Нью-Йорке. Мы приедем на поезде, найдем «студебекер» и можем поехать на Таймс-сквер и начать наше путешествие оттуда.

Эммет посмотрел на Салли, ища поддержки.

Она подошла к Билли и положила руку ему на плечо.

– Билли, – начала она серьезнейшим тоном, – ты совершенно прав.

Эммет закрыл глаза.

Теперь он ее отвел в сторонку.

– Салли, – начал он, но она его перебила.

– Эммет, ты же знаешь: я буду только рада поддержать у себя Билли еще три дня. Видит бог, я с радостью поддержала бы его хоть три года. Но он уже пятнадцать месяцев ждал, когда ты вернешься из Салины. И за это время лишился отца и дома. Теперь его место – рядом с тобой, и он это понимает. И, наверное, думает, что ты тоже должен это понимать.

Сейчас Эммет понимал одно: надо ехать в Нью-Йорк, как можно скорее отыскать Дачеса, а присутствие Билли этой задачи не облегчит.

Но в одном отношении Билли был прав. Они покинули Морген. Похоронив отца и собрав вещи, они оставили эту часть жизни позади. Что бы ни случилось дальше, утешением может служить то, что им не надо возвращаться.

Эммет повернулся к брату.

– Ладно, Билли. Поедем в Нью-Йорк вместе.

Билли кивнул в подтверждение того, что это разумно.

Подождав, когда Билли подтянет лямки вещмешка, Салли обняла его и напомнила, чтобы он хорошо себя вел и слушался брата. Эммета она не обняла и села в кабину. Но, включив зажигание, поманила его к окну.

– Еще одно, – сказала она.

– Что?

– Если хочешь ловить свою машину в Нью-Йорке, это твое дело. Но я не хочу неделями просыпаться по ночам от беспокойства. Поэтому через несколько дней позвони мне и скажи, что вы целы.

Эммет стал было объяснять, что просьба Салли трудновыполнима – они будут заняты поисками машины, не знают, где остановятся и смогут ли добраться до телефона...

– Кажется, ты без труда нашел способ позвонить мне в семь часов утра, чтобы я бросила все дела и мчалась в Льюис. Не сомневаюсь, что в таком большом городе, как Нью-Йорк, ты сможешь найти еще один телефон и время, чтобы позвонить мне.

– Хорошо, – сказал Эммет. – Я позвоню.

– Хорошо, – сказала Салли. – Когда?

– Что «когда»?

– Когда позвонишь?

– Салли, я не знаю даже...

– Значит, в пятницу. Позвонишь мне в пятницу, в два тридцать.

Не дожидаясь ответа, Салли тронулась, отъехала от вокзала и остановилась, дожидаясь просвета в потоке машин.

Утром, когда они готовились выехать из сиротского дома, сестра Агнесса подарила Билли медальон на цепочке, сказав, что это святой Христофор, покровитель путешественников. Потом она повернулась к Эммету – он слегка испугался, что она и ему подарит медальон. Но она сказала только, что хочет кое о чем его спросить, а перед этим расскажет одну историю: историю о том, как оказался на ее попечении Дачес.

Однажды летом сорок четвертого года, сказала она, появился мужчина лет пятидесяти, а с ним тощий мальчик восьми лет. Оставшись с сестрой Агнессой наедине в ее кабинете, он объяснил, что его брат и невестка погибли в автомобильной катастрофе и он единственный живой родственник мальчика. И конечно, хочет воспитывать ребенка, тем более в таком восприимчивом возрасте, но он армейский офицер, в конце недели должен отправиться во Францию и не знает, когда вернется с войны – и вернется ли...

– Я не верила ни единому его слову. Не говоря уже о том, что его растрепанная шевелюра не вязалась с офицерской должностью, а на пассажирском месте в его открытой машине сидела миловидная девица. Ясно было, что он отец мальчика. Но разбираться с двуличными, бессовестными людьми – не моя работа. Мое дело – заботиться о благополучии брошенных детей. И можешь не сомневаться, Эммет, маленького Дэниела бросили. Да, через два года отец появился, чтобы забрать Дэниела, когда это стало ему удобно, но мальчик этого не ожидал. Большинство наших мальчиков действительно сироты. У кого-то оба родителя умерли от гриппа, или погибли в пожаре, или мать умерла родами, а отец убит в Нормандии. И это ужас-

ное испытание для таких детей, которые вырастают, не зная родительской любви. Но представь себе: осиротеть не из-за несчастья, а по предпочтению твоего отца, решившего, что ты стал помехой.

Сестра Агнесса помолчала, чтобы Эммет вдумался в ее слова.

– Не сомневаюсь, ты сердишься на Дэниела за то, что он бесцеремонно обошелся с твоей машиной. Но мы оба знаем, что в нем есть доброта, врожденная доброта, которая не могла вполне развиться. В этот критический период жизни больше всего ему нужен верный друг, который встанет рядом, убережет от безрассудств, поможет найти путь к исполнению его христианского долга.

– Сестра, вы сказали, что хотите меня о чем-то спросить. Не сказали, что хотите попросить о чем-то.

Монахиня посмотрела на Эммета и улыбнулась.

– Ты совершенно прав, Эммет. Я не спрашиваю тебя об этом. Я об этом прошу.

– Мне уже есть за кем присмотреть. Он родной мне по крови и тоже сирота.

Она посмотрела на Билли с растроганной улыбкой, но затем с прежней настойчивостью обратилась к Эммету.

– Эммет, ты считаешь себя христианином?

– Я не хожу в церковь.

– Но христианином себя считаешь?

– Так меня воспитали.

– Тогда ты, наверное, знаешь притчу о добром самарянине.

– Да, сестра Агнесса, я знаю притчу. И знаю, что хороший христианин помогает человеку в нужде.

– Да, Эммет. Добрый христианин проявляет сострадание к тем, кому трудно. Это важная часть смысла притчи. Но так же важно, говорит Иисус, что мы не всегда можем *выбирать*, к кому надо проявить милосердие.

Перед рассветом, отъехав от дома и повернув на дорогу, Эммет думал, что они с Билли ничем не обременены – ни долгами, ни обязательствами – и начинают жизнь сызнова. А теперь, отъехав всего на шестьдесят миль от дома – и не в ту сторону, – он за два часа дал два обещания.

Когда в потоке машин образовался просвет и Салли повернула налево от вокзала, Эммет думал, что она обернется и помашет рукой. Но она только пригнулась к рулю и прибавила газу. С громким хлопком пикап помчался на запад; Салли даже не оглянулась.

И только когда машина скрылась из виду, Эммет вспомнил, что у него нет денег.

Дачес

КАКОЙ ДЕНЬ, КАКОЙ ДЕНЬ, какой день!

Пусть машина Эммета была не самой ходкой, но солнце было высоко, небо голубое, и у всех встречающих на лице улыбка.

После Льюиса на первых полутораста милях встречалось больше элеваторов, чем людей. И в большинстве городов по пути, словно по декрету, всего было по одному: один кинотеатр, один ресторан, одно кладбище и один сберегательный банк – и, судя по всему, одно представление о правильном и неправильном.

Но для большинства людей неважно, где они живут. Когда они утром встают, они не рассчитывают изменить мир. Они хотят чашку кофе и тост, восемь часов отработать и завершить день бутылкой пива перед телевизором. Так, более или менее, они ведут себя и в Атланте, Джорджия, и в Номе, Аляска. И если большинству людей все равно, где они живут, им тем более все равно, куда они едут.

Этим и прелестно шоссе Линкольна.

Когда видишь шоссе на карте, кажется, что этот Фишер, про которого рассказывал Билли, – что он взял линейку и провел линию через всю страну, через горы, через реки – наплевать. При этом он, наверное, думал, что прокладывает необходимый путь для перемещения товаров и идей от моря и до синего моря во исполнение «предначертанного судьбой». Но у всех встречающих вид был такой, как будто они довольны бесцельностью своего перемещения. «Пусть дорога тебя встретит», – говорят ирландцы, и оно встречало неустрашимых путников – шоссе Линкольна. Встречало каждого из них, ехали они на восток или на запад, или колесили по кругу.

– Какой молодец Эммет, что одолжил нам машину, – сказал Вулли.

– Он молодец, одолжил.

Вулли улыбнулся и наморщил лоб, как Билли.

– Как думаешь, им сложно было добраться домой?

– Нет, – сказал я. – Уверен, что Салли примчалась на своем пикапе, и все трое уже в кухне, едят печенье и желе.

– Ты хотел сказать: печенье и варенье.

– Именно.

Меня немного огорчало, что Эммету пришлось ехать в Льюис и обратно. Если бы я знал, что он оставляет ключи на козырьке, то избавил бы его от этой поездки.

Самое интересное – что когда мы отъезжали от дома Эммета, у меня не было в планах угонять его машину. Я собирался уехать на автобусе. А чем плохо? В автобусе можешь сесть сзади и отдыхать. Можешь поспать или поболтать через проход с торговцем обувными кожей. Но перед самым поворотом на Омаху Билли заужжал про шоссе Линкольна, и не успели оглянуться, как очутились на окраине Льюиса. Потом, когда я вышел из «Святого Ника», «студебекер» стоит у бордюра, ключ в замке зажигания, на водительском месте – никого. Как будто Эммет и Билли прямо так запланировали. Или Господь. В общем, судьба заявляла о себе громко и ясно – хотя Эммету придется ехать восвояси.

– Приятно знать, – сказал я Вулли, – если сохраним темп, будем в Нью-Йорке утром в среду. Навестим моего папашу, рванем на дачу и вернемся с долей Эммета, пока он по нам не соскучился. А учитывая размер дома, какой вы с Билли сочинили, думаю, Эммет будет рад иметь чуть больше капусты, когда приедет в Сан-Франциско.

Вулли улыбнулся при упоминании проекта Билли.

– Что касается нашего темпа, – сказал я, – как думаешь, когда мы будем в Чикаго?

Улыбка сошла с лица Вулли.

В отсутствие Билли обязанности штурмана я возложил на него. Свою карту Билли нам не давал, нам пришлось купить другую (конечно, на заправке «Филипс 66»). И точно как Билли, Вулли аккуратно прочертил черной линией наш маршрут по шоссе Линкольна до самого Нью-Йорка. Но когда мы выехали, он повел себя так, будто ему не терпелось убрать карту в бардачок.

– Хочешь, я посчитаю расстояние? – спросил он, словно ждал плохого.

– Вот что я тебе скажу: забудь ты про Чикаго да поищи по радио чего-нибудь послушать.

И сразу улыбка его вернулась.

Видимо, приемник был настроен на любимую станцию Эммета, но сигнал ее затух еще где-то в Небраске. Поэтому, когда Вулли включил приемник, послышался только атмосферный шум.

Несколько секунд Вулли вслушивался, словно хотел понять, какого происхождения этот шум. Но как только он стал поворачивать ручку настройки, мне открылся еще один его скрытый талант – как талант кулинара или проектировщика. Вулли не крутил ручку в поисках сильной станции. Он действовал как взломщик сейфов. Прищурясь, высунув кончик языка, он медленно вел оранжевую стрелку по шкале, ловя первое слабое появление сигнала. Потом еще медленнее подстраивался, пока сигнал набирал чистоту и звучность, и наконец останавливался на пике приема.

Первой ему попалась станция с музыкой кантри. Играли песню про ковбоя, потерявшего не то свою любимую, не то лошадь. Я не успел понять, кого – Вулли двинулся дальше. Потом была сводка об урожае, потом пламенная проповедь баптистского священника, потом отрывок Бетховена, сильно приглаженный. Когда он не остановился даже на «Ш-бум, ш-бум», я уже засомневался, что в эфире есть что-нибудь для него подходящее. Но когда он дошел до 1540 кГц, там только что началась реклама хлопьев для завтрака. Вулли отпустил ручку и смотрел на приемник с таким вниманием, какое уделяешь разве что врачу или гадалке.

Как же он любил рекламу. За следующую сотню миль мы прослушали их, наверное, полсотни. Чего угодно – «кадиллака» купе де Вилль может, или новых бюстгальтеров «Плейтекс». Все равно, чего. Вулли покупать не собирался. Его очаровывала драма.

В начале рекламы Вулли сосредоточенно слушал актера или актрису, излагающих свою дилемму. Типа: недостаточно освежающий вкус их ментоловых сигарет или зелень от травы на штанишках ребенка. По лицу Вулли было видно, что он не только разделяет их огорчение, но и подозревает, что *все* поиски счастья обречены на неудачу. Но как только эти омраченные души решали попробовать новый сорт того или сего, лицо у Вулли светлело, а когда выяснялось, что названный продукт не только избавляет от досадных комков в пюре, но и от таковых же в жизни, Вулли улыбался радостно и умиротворенно.

В нескольких милях к западу от Эймса, в Айове, Вулли напал на рекламу, где мать семейства вдруг выясняет, что трое ее детей привели на ужин по гостю каждый. Услышав о такой неприятности, Вулли охает. Но тут по мановению волшебной палочки появляется сам шеф Боярди в своем пышном белом колпаке и с еще более пышным выговором. Еще один взмах палочки, и на столе шесть консервных банок спагетти с мясным соусом спасают положение: мальчики набрасываются на еду.

– До чего вкусно, наверное, – вздохнул Вулли.

– Вкусно? – с отвращением повторил я. – Это же консервы.

– Я понимаю. Но ведь удивительно.

– Удивительно или нет – но что это за ужин по-итальянски?

Вулли повернулся ко мне с искренним недоумением.

– А какой должен быть ужин по-итальянски?

Ох, с чего же начать.

– Ты когда-нибудь слышал о «Лионелло»? – спросил я. – В Восточном Гарлеме?

– По-моему, нет.

– Тогда подсаживайся к столу.

Вулли весь обратился в слух.

– «Лионелло», – начал я, – это итальянский ресторанчик – десять кабинетиков, десять столов и бар. Диваны обиты красной кожей, на столах красно-белые скатерти, из музыкального автомата – Синатра, все, как ты и ожидал. Единственная загвоздка в том, что, если ты пришел с улицы в четверг вечером и попросил стол, тебя не посадят ужинать – даже если там пусто.

Вулли оживился – он обожал головоломки.

– Почему тебя не посадят ужинать?

– А почему тебя не посадят, Вулли, – потому что все столы заняты.

– Но ты же сказал, там пусто.

– Так и есть.

– Тогда как же они заняты?

– Ах, мой друг, в том-то и штука. Понимаешь, у Лионелло устроено так, что все столы зарезервированы навсегда. Если ты постоянный клиент у Лионелло, то можешь получить столик на четверых около музыкального автомата в любую субботу в восемь. И ты платишь за этот столик каждую субботу вечером, все равно, пришел ты или нет. И больше никто за него сесть не может.

Я посмотрел на Вулли.

– Ты понимаешь меня?

– Я понимаю тебя, – сказал он.

И я видел, что понимает.

– Скажем, сам ты не клиент «Лионелло», но, к счастью, у тебя есть друг, клиент, и он разрешил тебе воспользоваться его столом, когда уезжает из города. И вот суббота в разгаре, ты надеваешь лучшие шмотки и отправляешься в Гарлем с тремя друзьями.

– Ну, как с тобой, Билли и Эмметом.

– Точно. Со мной, Билли и Эмметом. Вот мы сели, заказали напитки, а меню можешь не просить.

– Почему?

– Потому что у Лионелло их нет.

Тут я Вулли сильно озадачил. Тут он рот открыл еще шире, чем при рекламе шефа Боярди.

– Дачес, как ты можешь заказать обед без меню?

– У Лионелло, – стал объяснять я, – когда ты сел за стол и заказал напитки, официант подтаскивает стул к твоему столу, поворачивает его спинкой к вам, садится, кладет на спинку руки и перечисляет, что они сегодня подают. «Добро пожаловать к Лионелло, – говорит он. – Сегодня у нас закуска: фаршированные артишоки, моллюски маринара, моллюски ореганата и жареные кальмары. Горячие блюда: лингвини с моллюсками, спагетти карбонара и пенне болоньезе. И главное блюдо: курица по-охотничьи, телячьи котлеты, телятина по-милански и особуко – на мозговой косточке.

Я взглянул на моего штурмана.

– Вижу по твоему лицу, что ты несколько ошеломлен таким разнообразием. Но не волнуйся, Вулли. Потому что единственное блюдо, которое ты должен заказать у Лионелло, – как раз его официант не назвал: феттучини мио аморе, фирменное блюдо заведения. Свежесваренная паста в соусе из томатов, бекона, карамелизованного лука со щепоткой красного перца.

– Но почему официант его не назвал? Если это – фирменное блюдо ресторана?

– Именно потому не назвал, что это их фирменное блюдо. Феттучине мио аморе. Или ты сам знаешь о нем, чтобы заказать, или ты его не заслуживаешь.

По улыбке Вулли я видел, что он наслаждается вечером у Лионелло.

– У твоего отца был свой столик у Лионелло?

Я рассмеялся.

– Нет, Вулли. У моего папаши нигде не было столика. Но шесть роскошных месяцев он был метрдотелем, и мне позволяли сколько угодно торчать на кухне, только не мешать.

Я хотел рассказать Вулли о Лу, шефе, но тут нас обогнал грузовик, и шофер погрозил мне кулаком.

В другой раз я показал бы ему шиш и уже собрался, но тут заметил, что, увлекшись своим рассказом, сбавил скорость до тридцати. Неудивительно, что шофер разозлился.

Но когда нажал на газ, оранжевая стрелка на спидометре сползла с двадцати пяти на двадцать. Я дождал педаль до пола – скорость упала до пятнадцати, тогда я свернул на обочину, и машина встала.

Я выключил и включил зажигание, досчитал до трех и нажал стартер – никакого эффекта.

– Чертов «студебекер», – пробормотал я. – Наверное, сел аккумулятор. Но тут же сообразил: радио работает, значит, дело в другом. Может быть, свечи?..

– У нас кончился бензин? – спросил Вулли.

Я посмотрел на Вулли, потом на указатель уровня топлива. Стрелка, тоже оранжевая, стояла на нуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.